
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Иркутском сельскохозяйственном институте имеется единственная в стране кафедра охотоведения. Здесь готовят специалистов для многочисленных охотничьих хозяйств страны. На снимке: практические занятия студентов в лесу. Будущие охотоведы Ольга Макарова и Александр Губенко измеряют следы зверя.

Фото Э. Брюханенко (ТАСС).

На первой странице обложки: Самый молодой оленевод. Магаданская область. Совхоз «Талое».

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Народная артистка Корейской Народно-Демократической Республики Цой Сын Хи исполняет танец с веерами.

Акварель В. КЛИМАШИНА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 6 (1547) 3 ФЕВРАЛЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В ЗАБОТАХ О БУДУЩЕМ УРОЖАЕ

В контрольно-семенной лаборатории Усть-Лабинской МТС Краснодарского края. Заведующая лабораторией Е. Махнова сообщает агроному Воронежской МТС А. Мезлову о результатах проверки семян.

Подведены итоги прошлого сельскохозяйственного года, ознаменованного крупными успехами. Решающую роль сыграло освоение огромных массивов целины. В закрома Родины засыпано более 3 миллиардов 300 миллионов пудов хлеба. Наряду с зерном выросло производство хлопка, сахарной свеклы, картофеля, овощей. Многие области, края и республики заслуженно отмечены высшей правительственной наградой — орденом Ленина. Около 115 тысяч работников социалистического земледелия награждены орденами и медалями; особо отличившиеся передовые люди деревни удостоены высокого и почетного звания Героя Социалистического Труда.

ЦК КПСС и Совет Министров в своем Обращении к труженикам села подчеркивают, что если 1956 год явился началом успешного выполнения заданий шестой пятилетки, то текущий год должен стать переломным годом в дальнейшем развитии всех отраслей сельского хозяйства. Подготовить добротные семена, обеспечить накопление местных и минеральных удобрений, своевременно отремонтировать тракторы и другие машины — неотложные текущие задачи работников сельского хозяйства. По всей Советской стране в ответ на Обращение идет подготовка к весеннему севу, все шире развертывается социалистическое соревнование.

Внизу: колонна отремонтированных тракторов на усадьбе Ворошиловской МТС Киргизской ССР.

Фото А. Расшихина, В. Сутулова, Е. Шулепова (ТАСС).

Снегозадержание на полях Тарангульского зерносовхоза, Северо-Казахстанской области.

ДРУЖБА НА ВЕЧНЫЕ

Столица Советского Союза недавно приветствовала дорогих гостей — делегацию Чехословацкой Республики во главе с Президентом Антонином Запотоцким, прибывшую в нашу страну с государственным визитом. В составе делегации — Премьер-Министр Чехословацкой Республики товарищ Вильям Широкий, Первый Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии товарищ Антонин Новотный и другие руководящие деятели Чехословакии.

Чехословацкую делегацию принимали Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Первый Секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев.

Переговоры между Правительственной делегацией Советского Союза и делегацией Чехословацкой Республики выявили единодушие сторон по вопросам развития братских отношений между странами, а также по вопросам международного положения.

Советский народ приветствует дальнейшее развитие искренней дружбы между братскими странами.

29 января в Московском Кремле была подписана Совместная Советско-Чехословацкая Декларация. Она явилась результатом переговоров, которые будут способствовать дальнейшему упрочению братской дружбы и тесного сотрудничества между Советским Союзом и Чехословакией на благо народов обеих стран, на благо укрепления мира и безопасности во всем мире.

На снимке: после подписания Совместной Советско-Чехословацкой Декларации.

Фото А. Гостева.

Прием К. Е. Ворошиловым делегации Чехословацкой Республики. На снимке: Антонин Запотоцкий и К. Е. Ворошилов.

Прием Н. С. Хрущевым делегации Чехословацкой Республики. На снимке: Антонин Новотный и Н. С. Хрущев.

Делегация Чехословацкой Республики на приеме у Н. А. Булганина.

ВРЕМЕНА

Делегация Чехословацкой Республики во главе с Антонином Запотоцким посетила Объединенный институт ядерных исследований

Делегация Чехословацкой Республики в поезде на пути из Бреста в Москву. Слева направо: Первый Секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии Антонин Новотный, Премьер-Министр Чехословацкой Республики Вильям Широкий, Президент Чехословацкой Республики Антонин Запотоцкий и Председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Д. С. Коротченко.

30 января в Москву по приглашению Правительства СССР прибыли Премьер-Министр Финляндии К. А. Фагерхольм и сопровождающие его лица.

Н а с н и м к е: К. А. Фагерхольм и Н. А. Булганин на Ленинградском вокзале.

Фото Я. Рюмкина.

26 января в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание представителей общественности Москвы, посвященное седьмой годовщине провозглашения Республики Индии. С речью перед москвичами выступил посол Республики Индии в СССР К. П. Ш. Менон. →

Фото М. Савина.

В Индии по приглашению индийского правительства гостит Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. 25 января Г. К. Жуков посетил Премьер-Министра Джавахарлала Неру и имел с ним беседу.

Н а с н и м к е (справа налево). Джавахарлал Неру, Г. К. Жуков, Посол СССР в Индии М. А. Меньшиков в резиденции Премьер-Министра.

Фото В. Егорова (ТАСС).

70 лет со дня рождения В. И. Чапаева

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В. И. Чапаев на Восточном фронте в 1918 году.

В. И. Чапаев и начдив 22 С. П. Захаров.

Как известно, В. И. Чапаев погиб в бою в 1919 году. Все меньше становится людей, которые знали и видели этого легендарного героя гражданской войны. Тем большую ценность представляют кинодокументы, снятые при жизни В. И. Чапаева.

К сожалению, известна лишь одна такая киносъемка, кадры из которой мы здесь публикуем. Эту съемку производил один из старейших русских кинооператоров, П. В. Ермолов. В 1918 году он отправился на фронт под Казань с отрядом моряков-коммунистов. Во время этой поездки ему удалось заснять В. И. Чапаева.

В. ХОДОРКОВСКИЙ

Рассказывает шофер начдива-25

Мы встретились на одном из агитпунктов поселка Челябинского тракторного завода. Почти совсем уже седой, но по-военному подтянутый человек с живым, почти юношеским лицом рассказывал группе избирателей о порядке выборов в местные Советы.

— Это Василий Васильевич Козлов — наш пожарный инспектор, участник гражданской войны. Знал самого Чапаева.

...И вот мы сидим в квартире Козлова. Василий Васильевич вынимает из ящика стола небольшой металлический предмет.

— Вот тридцать восемь лет храню. Свеча от двигателя автомобиля «Форд». На этой машине ездил Чапаев. А я был у него тогда шофером. Целых полгода. Да, да, именно шофером.— повторил он.— Привыкли все, раз Чапаев, то, значит, обязательно на коне. А Василий Иванович совсем не пренебрегал техникой. У него даже самолеты были — целых два. И своя авторота в дивизии. Одна из машин всегда была закреплена за начдивом. Лошадью в это время он пользовался не часто, лишь в непролазную грязь.

Первая поездка Козлова с Чапаевым едва не закончилась весьма плачевно. Ехать пришлось незнакомой дорогой. В одном месте путь пересекал крутой овраг. Тормоза были не ахти какие, и «Форд» помчался под уклон с большой скоростью. Впереди показался мост, но от него остались только продольные бревна: настил был весь разрушен. Что делать? На спуске машину не остановить. Свернуть нельзя — перевернешься. Раздумывать некогда. Козлов направил машину на разрушенный мост. Проскочили по бревнам, как поезд по рельсам.

Не проходило и дня, чтобы Чапаев не бывал в частях. Как правило, он ездил вдвоем с адъютантом Петром Исаевым и очень часто с комиссаром — сначала с Фурмановым, а затем с Батуриным. Подъедет поближе к цепям,- прикажет поставить машину в балку или овраг, а сам ползком к бойцам.

Не раз видел Козлов Чапаева и в бою. Особенно ему запомнился бой под Сахарной. Только привез он Чапаева с комиссаром после очередной ночной поездки по фронту, как прискакал на взмыленной лошади верховой со срочным пакетом. Через минуту Чапаев и комиссар выбежали из мазанки, на ходу надевая снаряжение. Лица у обоих сумрачные.

— Давай, Козлов, заводи, быстро!..

Машина на предельной скорости мчалась к линии фронта. Проскочили обозы, батарею. Рядом рвались снаряды, свистели пули...

— Стой, жди тут, мотор не заглушай! — бросил Чапаев.

Выскочив из машины, он выхватил шашку и — вперед. Поднялись бойцы и бросились за любимым начдивом. Почти час продолжалась горячая схватка, доходившая до рукопашной. Потом бой затих. Чапаев и Батурин, запыхавшись, подбежали к машине. Чапаев без фуражки, мокрый, с расстегнутым воротником, в руках клинок.

Присутствовал В. В. Козлов при вручении Чапаеву ордена боевого Красного Знамени. Торжество это происходило в небольшой, только что занятой нами станице. Выстроился оркестр. Ночью подъехал автомобиль. Из него вышел Михаил Васильевич Фрунзе. Он принял рапорт Чапаева и вместе с ним отправился на площадь, где были выстроены бойцы. Зажгли огромный костер, вокруг стало светло, как днем. Михаил Васильевич зачитал приказ Реввоенсовета республики, в котором перечислялись славные боевые дела начдива-25. Затем под звуки «Интернационала» вручил Чапаеву боевую награду. Василий Иванович стоял, вытянувшись, приложив руку к фуражке. Чувствовалось, что он очень взволнован.

— Таким он часто вспоминается мне, этот душевный и храбрый человек, легендарный герой гражданской войны,— закончил свой рассказ шофер Чапаева.

В. В. Козлов демобилизовался в 1921 году, после гражданской войны. Затем работал шофером, начальником гаража и вот уже 20 лет на Челябинском тракторном: сначала автотехником, а теперь инспектором пожарной охраны завода. В этом году ему исполнится шестьдесят лет, но он считает, что на пенсию уходить еще рано...

В. В. Козлов беседует с воинами.
Фото Г. Чертополохова.

А. ГРИГОРЬЕВ

Член Президиума ЦК КПСС, заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленков, вручивший орден Ленина Чкаловской области, побывал в районах и на предприятиях области.

На снимке: Г. М. Маленков беседует с лучшей дояркой колхоза имени Пугачева, Чкаловского района, О. А. Радченко. В центре — секретарь Чкаловского обкома КПСС Д. С. Полянский.

Фото Б. Клипиницера (ТАСС).

ВНУЧКА НАЙДЕНА!

Большую радость испытали недавно Тамара, ее бабушка Мария Владимировна и все семейство Юрчак.

...Горе, которое приносит людям война, семья рабочего-полировщика Витебской фабрики очков Олега Михайловича Юрчака познала уже через несколько дней после нападения гитлеровских полчищ.

Самого Олега Михайловича, занятого эвакуацией оборудования в тыл, фашисты схватили прямо на фабрике. И с тех пор о нем ничего не слышно. Жена его Мария Григорьевна вместе с дочкой Тамарой бежала из оккупированного Витебска и в лесу присоединилась к партизанам. В одной из боевых операций Мария Григорьевна была ранена и попала в лапы врага. Ее расстреляли...

Где же Тамара, которой в 1941 году было всего шесть лет?..

Мария Владимировна, жившая в Минске, то отчаивалась, то вновь начинала энергичные поиски своей внучки, но все оставалось безрезультатным.

И вот 5 января 1957 года из Управления детских домов Минска сообщили, что Тамара Юрчак воспитывалась в детском доме, окончила десятилетку и теперь занимается на втором курсе института иностранных языков в столице Белоруссии.

Тамара переехала из общежития института на квартиру бабушки...

Почему же, живя в одном городе, Мария Владимировна так долго ничего не знала о Тамаре? Оказалось, что ее отчество «Олеговна» каким-то образом сменили на «Михайловна», был спутан и год рождения Тамары...

Но теперь все позади, и в дом Марии Владимировны пришло счастье.

В. ПОНОМАРЕВ

Мария Владимировна с внучкой.
Фото М. Викторова.

Встреча в Пуховке

З. ХИРЕН

Фото Н. Козловского.

Утром опасались, соберутся ли в клуб на отчет депутата областного Совета Федора Степановича Музыченко. Больно время неподходящее: в какой двор ни заглянешь — на снегу соломенная подстилка; ясное дело, пришла пора кабанов колоть. Коптят окорока, запекают ошейки, начиняют мелкими кусочками мяса и сала, чесноком и перцем кишки, делают знаменитую украинскую колбасу... А она-то тем и знаменита, что как бы ты сыт ни был, а, увидев ее на сковородке, не устоишь, попробуешь.

Подошел вечер. Все спешат в клуб. На улице только и слышно: «Приехал Музыченко». Он и депутат пуховцев и их сосед. Километрах в десяти отсюда, в Летках, Федор Степанович возглавляет колхоз имени Калинина. Летки, как и Пуховка, раскинулись на левом берегу Десны, в живописнейшем уголочке славной украинской земли. Много общего в судьбе этих двух сел. И если речь уж о том зашла, начать следовало с того момента, когда Музыченко впервые выступил в Пуховке на предвыборном собрании.

— Биографию свою рассказывать не стану, — начал он тогда. — Вы и так ее знаете. А старые люди, наверное, помнят меня еще парубком, да и я многих помню, потому что они тогда тоже парубками были. Лет двадцать меня тут не было. Работал в городе, потом воевал, а после войны потянуло домой, в родные Летки. Так что биографию рассказывать не буду. Хочу о другом сказать. Приехал я к вам сегодня утром в Пуховку, обошел все хозяйство, осмотрел каждую построечку. Не знаю, понравится вам или нет, станете ли вы после этого отдавать голоса за мою кандидатуру, но скажу прямо: очень давно не видел я, чтобы так погано вели хозяйство, как у вас!

Кто-то носом тогда покрутил: не понравилось. Человека в депутаты выбирают, а он сразу с критики начинает, да еще с такой резкой! Кто-то даже обиделся, приняв ее на свой счет. Но все же, видно, большинству избирателей Музыченко пришелся по душе. Слышали о том, как наладил у себя в Летках хозяйство, надеялись: станет депутатом — проявит интерес и к другим селам. Короче говоря, избрали депутатом да и к критике его в конечном счете прислушались, серьезно подумали о руководстве. На помощь колхозу прибыл тридцатитысячник Георгий Фаддеевич Филатов.

Правда, мало кто знал, да и сейчас вряд ли кому известно, что Филатова «сосватал» им не кто иной, как депутат Музыченко. Произошло это вскоре после предвыборного собрания. Приезжает к Федору Степановичу на стажировку Георгий Фаддеевич Филатов. Целую ночь с ним проговорили. Гость понравился хозяину, понравился своей откровенностью, своим желанием как можно больше узнать, понять в деревенской жизни. Конечно, жаль было, что пока он слабовато разбирается в колхозных делах, но ведь, в конце концов, и Музыченко, когда пришел в Летки, тоже не все понимал и не во всем разбирался.

Наутро предложил Филатову составить план стажировки.

— Какой же план, — удивился тот, — когда мне буквально все надо изучать? Поймите, все эти годы я сперва командовал батареей, а затем в Киеве, в управлении Днепровского бассейна, имел дело главным образом с водолазами, электро- и газосварщиками, — словом, деревней там и не пахло.

— Что же, что не пахло, а план составь, — повторил Федор Степанович.

Признаться, Музыченко вскоре надоело, что стажировщик ходит за ним по пятам. Но в душе радовался: из парня толк будет! Все это время Музыченко не забывал предвыборное собрание в Пуховке. Ведь как-никак теперь и он, Музыченко, в ответе за то, что там происходит. Депутат! А дела не поправились, и больше всего пуховцы нуждались в энергичном, смелом и честном председателе.

Филатов просыпался вместе с Музыченко и допоздна вместе с ним находился в поле, на фермах, интересовался буквально всем: как Федор Степанович разговаривает с людьми, как ведет заседание правления. Нет-нет, а Музыченко скажет Филатову:

— В мелочи, Георгий Фаддеевич, не встревай, больше доверяй колхозникам. Всегда говори людям правду, зря не обещай, а пообещал — держи слово, иначе веры в тебя не будет. Почаще ставь самого себя в положение крестьянина, который пришел к тебе за помощью или советом.

Филатов многое изучил в характере Музыченко. Он, например, знал теперь, что человек этот, как бы его ни рассердили, никогда не теряет спокойствия, что людей поучать он не любит, замечание сделает обязательно в шутливом тоне. И главное, убедился, что Музыченко никогда не пройдет мимо безобразия, всегда вмешается, всегда доведет дело до конца.

— Держись, Федор Степанович, покритикуем! Слева направо: Г. Ф. Филатов, Ф. С. Музыченко, М. П. Ищенко.

— Как ты думаешь, — спросил однажды Музыченко у Филатова, — что, если тебе уже сейчас взяться за работу?

— За какую? — насторожился тот. — Ведь у меня еще три недели стажировки.

— Это ничего не значит. Сумел бы ты уже сейчас руководить хозяйством?

Филатов все еще чувствовал себя учеником и растерялся.

— Каким, Федор Степанович, хозяйством?

— Не знаешь? — усмехнулся Музыченко.

— Не знаю.

— Очень плохо. Столько живешь у нас и не знаешь! Давай вот поедем с тобой в Пуховку, покажу я тебе одно хозяйство.

Но поехать не пришлось. То времени не было, то дожди дороги размыли.

— Это ничего, что не съездили, — успокаивал Музыченко Фи-

Депутат Ф. С. Музыченко отчитывается перед избирателями в селе Пуховке.

латова. — Я тебе и так все расскажу, я их депутат, с их хозяйством знаком. Так вот слушай. Удои там чуть ли не самые низкие во всем районе, постройки плохие, пьянство... Мало тебе? Не поймешь, зачем тебя сватаю? Отвечу: в плохом колхозе доброе дело сделаешь — результаты сразу видны, и ясно, хочется еще лучше потрудиться.

Так депутат Музыченко «сосватал» своим избирателям нового председателя и, судя по всему, довольно удачно. Это можно было считать выполнением первого пункта наказа избирателей.

Приезжает сегодня сюда Федор Степанович, а навстречу ему Филатов, рад, конечно. Приятно такого гостя увидеть у себя в колхозе, особенно, если дела идут неплохо. Но в то же время досада берет: Федор Степанович — депутат, а Филатову впервые приходится его встречать у себя.

— Держись, Федор Степанович, — улыбается Филатов, — покритикуем тебя сегодня!

— Видали? — смеется Музыченко. — Без году неделя в Пуховке, а уже критиковать!

— А ты не смейся, обязательно покритикуем, и крепко! Совсем ты наше село забыл, все мимо и мимо.

— Ты лучше скажи мне, — спрашивает Музыченко, — что это за товарищ с тобой повсюду ходит?

— Извини, забыл познакомить. Это Михаил Петрович Ищенко, мой друг. Несколько лет подряд в Киеве в одной комнате друг друга табаком обкуривали, работали в одном управлении. Теперь тоже тридцатитысячник, председатель колхоза в Иванковском районе. Заехал ко мне поглядеть откормочные площадки для свиней, хочет у себя такие построить.

— Скажите! — усмехнулся Музыченко. — Уже и к тебе, значит, на стажировку едут, да еще из других районов!

— Правда, правда! — вмешался гость. — Обязательно такую же откормочную площадку у себя построю. Очень выгодная и удобная штука.

— В таком случае покажи ее и мне, — сказал Музыченко и, надвинув шапку на уши, зашагал за двумя приятелями.

Начались прения. Выступает колхозник Омелько Иванович Мошевский

— Постой, постой! — воскликнул Музыченко, осмотрев площадку. — А чертежика у тебя не найдется?

Оказалось, что и Музыченко не прочь поучиться у нового председателя.

...Началось собрание. Музыченко не из тех ораторов, которые прибегают к конспектам, тезисам. Это сразу же почувствовалось. Собрание еще не открыли, а вокруг него люди, разговоры об общих знакомых, общих делах, споры, смех.

— Позвали меня как-то рыболовы к себе в гости, — начал свой отчет Музыченко. — Есть у нас в Летках, кроме нашего колхоза, еще и рыболовецкий. Пришел. Стол ломится от угощения: вареники, жареный гусь, галушки, пироги, моченые яблоки. Одного нет — рыбы. Хотя дареному коню в зубы и не смотрят, все же спросил у хозяев: «А рыба что ж?» «Рыба, — ответили мне, — на рыбу нынче запрет: ни челном, ни сетями ее не беспокой». «Вот тебе и раз, — говорю, — у рыболовов да рыбы не попробовать!». Вижу, хлопчик маленький вокруг стола ходит. «Давай-ка, — говорю ему, — беги ко мне в хату и скажи, что голова за рыбой прислал, да побыстрее». Минуты не прошло, а парнишка уже тянет здоровенного линя. «Откуда такой здоровяк у тебя?» — удивились рыболовы. «Как откуда?! — отвечаю им. — Известно, с базара, вашего же улова».

Тут в зале раздается смех. С места кричат:

— Они и нас одолели, эти рыбьие спекулянты!

— Подождите, подождите, — вытянув руку, старается успокоить докладчик присутствующих, — еще не то услышите. Купаюсь летом в Десне, слышу, на берегу волнение, знакомые басы гудят. Гляжу, рыболовы наши со всех сторон обступили управляющего рыбтрестом товарища Божка: требуют, чтобы он немедля объявил войну браконьерам. Из-за них, говорят, приходится план выполнять только наполовину. Как услышал я это, чуть не захлебнулся, вот злодеи! Кто же эти браконьеры, кричу им из воды, как не вы? В артель сдаете по сто пятьдесят граммов в сутки, весь улов. Можно сказать, карманная рыба! Принесут ее, зарегистрируют в толстой книге и там опять за свое: на базар рыбой торговать.

...Люди от души смеются. Все понимают, что вспомнил Музыченко о рыболовах неспроста.

— Вот многие перед собранием спрашивали меня, о чем говорят у нас на сессиях областного Совета в Киеве, за что я там боролся как депутат. Говорю вам: боролся вот и с этими рыболовами. Да и с другими. Есть у нас артели: в одних сорочки вышивают, в других — платки, в третьих — куклами промышляют. А копнешь, так в артелях этих находят убежище и шорники деревенские, и колесники, и бондари. Понадобится колхозу чересседельник или хомут, такой «свободный художник» в частном порядке три шкуры сдерет. Вот вам и говорящие куклы и художественная вышивка.

В зале снова смех.

Музыченко предупреждает присутствующих, что ничего смешного в его рассказе нет, что все это серьезный вопрос, что только в Летках насчитал он триста таких «художников», которые от колхоза берут все, а к колхозу крепко повернулись затылком.

Рассказал и о том, что такая публика попадается и в городе. Прошлым летом едва справились с уборкой помидоров, кинулись отправлять их в Киев — ящиков нет. Приехали на деревообделочный комбинат, там тысячи пустых ящиков лежат, но не дают, говорят: «Вы по плану свое выбрали». А помидоры гниют... С трудом выпросили дощечки, организовали самостоятельное производство ящиков, поставили двадцать колхозников сбивать их. Словом, коекак из беды вышли, а вот к городским заготовителям обратился, ответили:

— Чего ты, Музыченко, зазнаешься? У всех большой урожай, чего кричать, надо поспокойнее.

— Видали такое? — обращается к собравшимся Музыченко. — Помидоры гниют, а депутату надо на это спокойно глядеть. Ясно, без борьбы не обошлось...

Кто скажет, где начинается и где кончается эта борьба депутата? Входит ли, например, в его обязанности отчитываться перед избирателями о своих поездках в другие края? А почему бы и нет! Музыченко за это время побывал в Подмосковье, в Кировской области, приглядывался, как люди там живут, сравнивал, причем не всегда сравнения эти были в пользу своего колхоза. Повстречал он артели, где условия потруднее, а урожаи снимают куда более высокие, чем у них, в Броварском районе. Значит, лучше и умнее к делу относятся. Простая истина, да не все ее принимают во внимание. Рассказал об этом избирателям, пусть, мол, призадумаются.

Не всем присутствующим на собрании приходилось обращаться к депутату по личным делам. Может быть, два — три человека таких найдется, не больше. Музыченко приходилось выезжать по расследованию жалоб в другие колхозы. Чаще всего удавалось помочь людям. Но бывает и другое. Напишет кто-нибудь жалобу, приедет депутат, а оказывается, жалоба-то зря написана. Нет у человека ни стыда, ни совести, сам кругом виноват, а других упрекает. Что ж, и на таких депутат повлияет.

...Две сотни глаз, не меньше, глядят на депутата. Многое в них можно прочесть: и изумление, и раздумье, и радость. Одного нет в них — скуки, уныния.

Начались прения. И оказалось, что хоть Музыченко и не обманул надежды избирателей, а покритиковать его есть за что. Никто не отрицает: в Киеве на сессиях он воевал по хозяйственным вопросам. Но ведь депутат должен не только такими делами интересоваться. Все, что волнует колхозников, должно и его волновать. Вот, например, никак не добьются в селе новой школы и больницы, а депутат помог чем-нибудь избирателям? Нет, ничем не помог.

Не зря грозился Георгий Фаддеевич Филатов. Выступил, да с такой критикой, что многим это показалось удивительным. Считали, что он и Музыченко большие друзья, а тут...

— Надо бы вам, Федор Степанович, выступать с отчетами перед избирателями почаще, и не только у себя в селе, а во всех селах, которые избирали вас. А вы впервые у нас.

— Знаю, знаю, — усмехнулся Музыченко, — ты давно на меня зуб точил.

Все понимают: депутат шутит, но все же теперь все на стороне Филатова. Дело говорит их председатель, горькую правду говорит.

— Я у вас учился, — продолжает Филатов, — мне бы хотелось, чтоб вы почаще бывали в нашем колхозе, поправляли нас, опыт у вас большой...

Говорит другой оратор.

— Теперь о дорогах: скажите, Федор Степанович, сколько раз ломались рессоры на вашей «Победе», пока вы к нам добирались? А ведь дело тут не только в вашей машине. Наш колхоз содержит бригадира дорожного отдела, расплачивается с ним чистоганом, трудоднями. А результат? Все трясемся по тем же ухабам, все так же буксуем, а ведь кому, как не вам, на все это обратить внимание! А что в смысле благоустройства, все хорошо? Вот детского сада никак не построим, материалы не выделяют...

Депутата больше хвалили, многие даже прямо сказали: надо вновь Музыченко избрать, надежный депутат, но в то же время никто не намерен был прощать ему недостатки. Причем недостатки очень существенные. Когда подошло время для заключительного слова, Музыченко сказал, что на собрании этом было ему и радостно и горько. Радостно, что люди оценили работу, постарались в нее вникнуть, а горько оттого, что очень мало он еще сделал для избирателей.

Часа полтора, если не больше, продолжался отчет, но никто не устал, не требовал «перекура», не напоминал о регламенте. Да, давненько в маленьком клубе колхоза имени Ватутина, села Пуховки, Броварского района, не было так тесно и так оживленно. Судя по прениям, по репликам, по тому, как зал реагировал на отдельные места доклада, и депутат и избиратели чувствовали себя здесь хорошо.

* * *

Вскоре после встречи в Пуховке мы узнали, что избиратели Броварского района вновь выдвинули Ф. С. Музыченко кандидатом в депутаты Киевского областного совета.

На заводе молочных продуктов в Пеште.
Мадьярфото.

ДВА ПИСЬМА ИЗ ВЕНГРИИ

1. МОЛОДЕЖЬ МАВАГа

Дорогой московский друг!

Вчера в заснеженный январский полдень я стоял у ворот МАВАГа. Ты знаешь, что это самый большой паровозостроительный завод в Венгрии. Я прошел на территорию завода. В цехах, как и раньше, работали люди. Ты спросишь: что же, значит, все по-старому? Да нет, не совсем.

Мне захотелось узнать, чем занимается молодежь. Я отправился в заводской клуб и там увидел, как распределяют подарки, полученные от Всемирной Федерации Демократической молодежи.

Не менее приятным было для меня приглашение присутствовать на собрании, посвященном созданию заводской организации Революционного союза рабочей молодежи. Это уже не только настоящее, но и будущее.

Участники собрания не занимались придумыванием громких, звучных лозунгов. Разговор шел о серьезных делах. Обсуждали производственные вопросы, говорили о заработке молодежи, о расценках.

Один из руководителей венгерского Революционного союза рабочей молодежи, товарищ Хегедюш, сказал:

— Мы хотим создать такую молодежную организацию, которая прежде всего отражала бы интересы молодежи. Сейчас главная забота—заработная плата молодых рабочих и работниц. Ее нужно упорядочить. Мы хотим, чтобы молодые рабочие убедились, что мы уже приступили к практическим делам.

Я сидел и прислушивался к дискуссии, вникая не в отдельные слова, а в существо того, что говорили. Молодой паренек-литейщик—было видно, что он не привык говорить, — высказался очень коротко:

— Я получаю в час 8 форинтов 80 филлеров. То, что мне надо, я зарабатываю. Но мне неизвестно, каковы планы на будущее.

Собрание длилось несколько часов. Комната, где собралась молодежь, холодная: топить нечем. У нас сейчас трудно с углем. Но юноши улыбаются и обещают друг другу, что уже в следующий раз будет тепло. Молодежь хочет работать, молодежь хочет иметь свою организацию. И этот оптимизм означает многое. Это — будущее страны!

Я заканчиваю свое письмо. В следующий раз напишу еще об одном кусочке нашей жизни.

С дружеским приветом
Дьердь Ковач.

P. S. Только что я узнал, что на МАВАГе выпустили новый паровоз. Первый после 23 октября!

2. СЛЕДЫ НЕДАВНИХ СОБЫТИЙ

Мы у трехэтажного здания завода молочных продуктов. Через распахнутые ворота непрерывно въезжают и выезжают машины. Завод работает на полную мощность. Весь Пешт обеспечивает он молоком, маслом, сметаной.

Здесь трудится около пятисот человек. Во время прошедших событий завод не прекращал работы, снабжая свежими молочными продуктами в первую очередь больницы, детские сады и ясли.

В первую же неделю контрреволюционного мятежа рабочие-патриоты, не покидавшие своих постов на заводе, избрали временный рабочий совет, в большинстве состоявший из коммунистов. Но этот совет не смог начать действовать: замаскированные контрреволюционеры тайно подготовили выборы в новый совет, куда сумели протащить угодных им лиц.

Вывод советских войск из Будапешта в конце октября открыл дорогу широкому разгулу контрреволюции. Управление заводом поспешили взять в свои руки реакционно настроенные члены дирекции. Они добились решения убрать с работы четырех коммунистов, в том числе и директора Коцора.

20 ноября был избран рабочий совет, названный постоянным. В декабре он проголосовал за проведение сорокавосьмичасовой забастовки на заводе. Сотни тысяч жителей Будапешта, детей, стариков и больных, лишились бы на это время крайне необходимых продуктов питания. Но районные государственные органы с помощью честных рабочих помешали осуществить эту провокацию.

Руководители этого совета мало интересуются укреплением трудовой дисциплины, улучшением снабжения населения. Зато они подбивают рабочих требовать повышения заработной платы, тогда как каждому честному человеку понятно, что в данное время повышение заработной платы на всех предприятиях неизбежно привело бы к тяжелой инфляции в стране.

Коммунисты завода не прекращают своей патриотической борьбы. Опираясь на поддержку передовых рабочих, они добились возвращения на завод бывшего директора Коцора, который работает теперь здесь государственным комиссаром. В первичной партийной организации, не прекратившей своего существования и во время контрреволюционного мятежа, сейчас насчитывается двадцать один человек. Правда, это лишь десятая часть прежней заводской партийной организации. Но все это сознательные, честные рабочие.

На последнем совещании актива коммунистов было решено разработать экономический план работы завода и поставить этот план на обсуждение рабочих, поскольку рабочий совет сейчас не способен руководить предприятием в интересах трудящихся.

Изо дня в день растут в рабочей массе симпатии и доверие к коммунистам. Это дает уверенность в том, что рабочий совет молочного завода в скором времени по примеру других предприятий Венгрии очистит свои ряды и рука об руку с коммунистами начнет работать на благо народа.

Имре ВАРГА

Будапешт, январь.

Отравленный золотым ядом

Фото из английской газеты «Дейли мейл».

Фотография этого человека обошла почти все крупные журналы и газеты Западной Европы. Чем же прославился этот с виду такой благообразный толстяк?

Доктор Джон Бодкин Адамс практиковал в небольшом курортном городке Истборне, к югу от Лондона. Среди его пациенток преобладали состоятельные старушки. Им очень нравился доктор. И, готовясь на всякий случай к переходу в мир иной, они составляли завещания, не забывая при этом и доктора.

Джон Бодкин Адамс оказался предприимчивым человеком. Как выяснилось на суде, он не ждал окончания жизненного пути состоятельных старушек. Он своими руками помог им поскорее отправиться на тот свет.

Целые полосы отводились на то, чтобы подробно описать, как толстяк впрыскивал своим пациенткам лошадиные дозы наркотиков. Читателям сообщалось, сколько сотен фунтов получил по завещаниям доктор от убитых пациенток. Были напечатаны фотографии двух «Роллс-Ройсов», которые перешли в собственность Бодкина Адамса.

«Мотив?—Алчность».—было сказано на процессе по поводу преступлений английского доктора. Но все ли было сказано?

Корни этих преступлений прячутся не в потемках души Бодкина Адамса. Общество, где мерилом всех ценностей и источником всех благ являются деньги, сделало Бодкина Адамса убийцей.

Но об этом не пишет буржуазная печать.

Американская военная база в [illegible]. Центральная часть Окинавы.
Фото Джапан пресс.

Окинава не сдается

Аэродромы, полигоны, военные склады. Все американское. Это японский остров Окинава.

Соединенные Штаты Америки, словно дома, расположились на этом острове и собираются оставаться там, как выразился один представитель военно-воздушных сил США, хоть «в течение ста лет». Сотни миллионов долларов тратятся на то, чтобы Окинава стала американским «непотопляемым авианосцем».

Вместе с американскими базами на остров пришли и американские порядки. Военные сооружения американцев занимают 40 с лишним тысяч акров земли, которая была отнята у крестьян. Лишенные средств к жизни, крестьяне вынуждены искать работу у американской администрации. Но там они получают в 11 раз меньше, чем американский рабочий.

Американская администрация немало потрудилась над тем, чтобы на острове было «все спокойно». Но окинавцы не мирятся с хозяйничаньем иностранцев. «Тяжело смотреть,— писала американская газета «Нью-Йорк уорлд телеграм энд сан»,— как мы не можем совладать с ситуацией на Окинаве».

Когда в прошлом году стало известно, что американские военные власти добиваются новой реквизиции земель у крестьян, в городах и селениях Окинавы и прилегающих островов начались многотысячные митинги протеста. Это движение охватило всю Японию.

Оно не прекращается и по сей день. Показательны результаты состоявшихся недавно выборов мэра главного города Окинавы — Наха. На этот пост был избран генеральный секретарь Народной партии Окинавы Камэдзиро Сэнага. Народная партия выступает против оккупации Окинавы Соединенными Штатами.

Оккупационные власти попытались воспрепятствовать вступлению Сэнага на пост мэра. Они объявили его «нежелательной кандидатурой» и закрыли кредит в банке островов Рюкю для городской администрации. Но против такого произвола выступили крупнейшие общественные организации Японии, среди них — коммунистическая и социалистическая партии Японии, Генеральный совет профсоюзов, организация японских студентов.

Неспокойно чувствуют себя на Окинаве американские оккупанты...

Э. АЛЕКСЕЕВ

Кайзерслаутерн — район американских баз

Кайзерслаутерн — это город в Западной Германии. В нем разместился штаб американского так называемого «Командования западной зоны». Полномочия этого командования распространяются на территорию в 7 648 квадратных миль, расположенную вокруг Кайзерслаутерна.

Теперь название этого города стало синонимом американских агрессивных приготовлений в Западной Германии. Район Кайзерслаутерна покрыт сетью американских военных баз и складов вооружения, спрятанных в лесах. 12 тысяч американских солдат и офицеров следят за тем, чтобы оружие всегда было в боевой готовности. Запасы оружия пополняются. Как известно, теперь США предполагают разместить на своих иностранных базах части специального назначения, вооруженные атомным оружием.

Американский журнал «Лайф», рассказывая о Кайзерслаутерне, поведал, что этот район «размером почти со штат Нью-Джерси». Такой размах деятельности американской военщины, приобретшей 49-й штат в Западной Германии, вызвал умиление журнала. Но совсем другие чувства вызывает это обстоятельство у немцев. Ведь всякому понятно, что в случае войны, развязанной американцами, под ответный удар будет подставлен немецкий, а не американский Нью-Джерси.

А. СЕРБИН

Состав, который доставил американские управляемые снаряды на один из складов Кайзерслаутерна.
Фото из журнала «Лайф».

Сколько стоит генерал

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Э. КУТНИК

Ни в одном американском тарифном справочнике нельзя найти ни прямых, ни косвенных указаний на нормы оплаты труда генералов, адмиралов и прочих высших военных чинов, переходящих на службу в промышленность. Надо полагать, что таких справочников до недавнего времени и в природе не было. Но надобность в них, как видно, появилась. И вот весьма информированный еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» опубликовал некую «тарифную сетку» с колонками цифр и подробным описанием, во что оценивается каждая звездочка на погонах, когда обладатель таковых занимает ту или другую административную должность в «большом бизнесе».

Почему вдруг появился на свет этот довольно кропотливый статистический труд?

Военные кадровики, оказывается, имеют особую ценность для тех, кто знает толк в купле-продаже. И нужно сказать, что не только в этом сезоне цены на них непомерно высоки. Правда, речь идет, как правило, не о дряхлых, немощных опереточных старичках, а о людях, по уверениям журналиста, полных сил и цветущего здоровья, в среднем 50-летнего возраста.

Итак, первая группа: генералы и адмиралы, так называемые «внекатегорийные», то есть получающие персональные оклады. Тут разница между вознаграждением, положенным для них на военной службе, и окладами, установленными для тех же лиц в промышленности, особенно велика.

Жалованье генерала американской армии, если судить по тарифной сетке, приведенной в журнале, составляет для носящих одну звезду 11 608 долларов, а для тех, у кого их четыре, — 15 316 долларов. Максимальные дополнительные выплаты в год для таких сверхгенералов, как Грюнтер, выражаются в сумме 1 827 долларов, а для генерала военно-воздушных сил, совершающего полеты, как, например, для генерала Кертиса Лимея, — 6 807 долларов. Но вот генерал, удостоенный пятой звездочки, выходит в отставку и поступает на частную службу. Так было, например, с генералом Люшесом Клеем, занявшим пост председателя правления компании «Континентал Кэн». Надев штатский пиджак, генерал сразу стал получать 108 тысяч долларов, не считая различных дополнительных приплат. Мало того, компания обязалась платить ему 30 тысяч долларов в год и после того, как он оставит свой нынешний пост. О Бене Морилле сообщают, что в качестве председателя правления корпорации «Джоунс энд Лафлин» он получает зарплату в 150 тысяч долларов в год. Генерал Дуглас Макартур почему-то оценен значительно дешевле; ему в качестве председателя корпорации «Спэрри Рэнд» положили оклад всего лишь в 68 тысяч долларов в год, не считая, правда, различных добавочных доходов.

Так журнал перечисляет одного за другим четыре десятка генералов и адмиралов, перешедших после второй мировой войны на гражданскую службу. Другие высшие офицеры, о которых говорится в списке, занимают более скромное место на иерархической военной лестнице. Но и они, переходя в бизнес, получают вознаграждение, намного превышающее их воинские оклады, причем и здесь все делается по строго установленной шкале.

Так, например, жалованье генерал-лейтенантов или вице-адмиралов составляет в армии 14 116 долларов в год. Поступая на относительно ответственную должность в ту или иную промышленную корпорацию, они, по свидетельству «Юнайтед Стэйтс ньюс», могут рассчитывать в среднем на основную плату в 38 тысяч долларов плюс специальные суммы на «личные расходы», а также определенного размера пакеты акций.

Генерал-майоры и контр-адмиралы, находясь на военной службе, получают 12 916 долларов в год. А на гражданской службе им отваливают только обычного жалованья 30 тысяч долларов.

Вся эта «тарифная сетка» не включает даровых или предоставляемых со скидкой акций, а это тоже немалая приманка. За один 1955 год свыше двух тысяч военных кадровых офицеров, покинувших военное поприще, приняли заманчивые предложения промышленных тузов.

Чем же объясняет «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт» неуклонный рост, как выражается журнал, «спроса со стороны промышленности на опытных военных»?

Причина якобы в том, что на военной службе эти джентльмены «приобретают большой практический опыт в руководстве крупными делами», умение «управлять крупной и сложной организацией» и... «извлекать из нее выгоды». Журнал далее доказывает, что каждый из них привык «браться за такие должности, которые внушают страх большинству руководителей».

В действительности дело, видимо, обстоит проще. В основе все растущего спроса со стороны американского бизнеса на военных лежат определенные, весьма прозаические соображения. По словам члена палаты представителей от штата Западная Виргиния Роберта Маллохэна, «компании, принимающие к себе на службу ушедших в отставку генералов и адмиралов... делают это с явным намерением «нанять» их влияние в военных кругах».

Уже давно наблюдается переход деятелей промышленных и финансовых корпораций в военное ведомство — достаточно вспомнить о министре обороны Вильсоне, который был президентом «Дженерал моторс». Таким путем финансовая олигархия осуществляет контроль над военным хозяйством в интересах своего клана в целом. А встречный поток — из военного ведомства в святую святых монополий — выполняет другую функцию: с помощью бывших военных различные компании выколачивают выгодные подряды и прибыльные поставки для армии.

Отставной полковник Неблетт в книге «Политика Пентагона» раскрывает несложную механику этого дела. Фирма, производящая военное снаряжение, «посылает своего представителя, генерала А., в Пентагон повидаться с генералом Б., заменившим его на воинском посту, уговорить генерала Б. развивать контакт с компанией». Отставные генералы и адмиралы, перешедшие на службу в промышленные корпорации, «оказывают, — по словам того же Неблетта, — определяющее влияние на занявших их места высокопоставленных военных». Высокопоставленный офицер-снабженец имеет полномочия закупать военные материалы у того или другого концерна. Он избирает тот, в котором, как он знает, впоследствии ему будет предоставлена «гражданская работа». Недаром говорят в Вашингтоне, что «в каждом армейском или морском агенте по закупкам сидит белка» (имеется в виду свойство белок делать огромные запасы продовольствия). Весной 1955 года «двупартийная комиссия» Гувера сообщала, что офицеры-снабженцы создали запасы военных материалов, достаточные на 20 или 30 лет, а в одном случае даже на целых 128 лет!

Бывший президент Национальной ассоциации промышленников Чарльз Р. Хук назвал Пентагон «колоссальным торговым домом», а журнал «Нейшн» — даже «крупнейшим торговым домом мира». Общая стоимость военных сооружений, складов, баз в самих США и тех, которые разбросаны по всему миру, составляет 140 миллиардов долларов. Пентагон — крупнейший «клиент» промышленности США. В одном только 1953 году его закупки составили свыше 20 процентов всей продукции добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и средств связи, вместе взятых. Распоряжаясь таким огромным богатством, Пентагон ведет свои дела в особых условиях. Закупка военного снаряжения всегда, даже в мирное время, была делом секретным. В период с начала 1953 года до середины 1955 года, по свидетельству председателя комиссии палаты представителей по делам вооруженных сил Винсона, 94 процента военных заказов на сумму в 36,4 миллиарда долларов были распределены не на основе открыто предлагаемых конкурентных цен, а на базе секретных расценок, установленных «по договоренности».

Таким образом, пристрастие промышленных концернов к влиятельным отставным генералам вовсе не похоже на платоническое влечение провинциальных красавиц к «душкам-военным». Отнюдь не по «влечению сердца» так дорого оценивают они каждую звезду и нашивку на генеральских мундирах. И не случайно, как признает и уверяет «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», Пентагон превратился в кузницу кадров для заполнения вакансий президентов, председателей правлений и директоров крупных монополий Соединенных Штатов.

ПЛАМЯ

Рассказ

Станислав МЕЛЕШИН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

I

Иван Лопухов долго не мог уснуть.

Он закрыл глаза и увидел круги пламени, плывшие по воздуху вместе с конвейером, темные глыбы чугунных болванок, длинную тяжелую вагу — железный шест, загнутый на конце крюком, — которой он сбрасывал опоки, груды спекшегося формовочного песка. Болели руки, поясница, грудь...

«Нет, не усну... — думал он и осторожно проводил руками по острым ключицам. — Худоба! Полез в огонь, к железу!»

Повернулся на другой бок, лицом к окну. И это не помогло.

Злая кастелянша ругала кого-то, не пуская в общежитие, потом захлопали двери, из кухни донесся голос: «Айда, ребята, чай пить!..»

За окном шуршал дождь, в водосточной трубе пела вода, и казалось, что общежитие монотонно дрожало. Ветер срывал первые желтые листья, они прилипали к стеклам, и ничего нельзя было разглядеть.

Со стороны насыпи, где сливают в реку расплавленный шлак, раздался свисток маневрового паровозика, и вдруг окна разом вспыхнули отсветом зарева, будто рядом клубился красный пар, и прилипшие листья стали черными, как летучие мыши.

«Вот сольют шлак — сразу усну!» — вздохнул Ванька, и ему стало грустно.

Вспомнился далекий Алапаевск, отец... Когда умерла мать, отец не стал жениться. Собрав детей, объявил: «Давайте все работать!» И все пошли на работу — кто куда. Ванька перешел в школу ФЗО — «на государственный паек и вообще...», как говорил отец, который после этого начал пить и часто не ночевал дома. И вышло так, что от него уехали все, кроме Ваньки, младшего в семье. Но отец все-таки женился... Ванька попросил у директора школы ФЗО назначения в Железногорск.

Отец на вокзале плакал и все похлопывал сына по плечу, приговаривая: «Ты не пропадешь, ты не пропадешь!..» Отец был совсем трезвый, только постарел...

Уезжать впервые из дому было и боязно и интересно. Когда за водокачкой скрылся Алапаевск и окна вагона стали зелеными, потому что поезд обступили таежные горы, Ванька силился представить, что ждет его за этими горами.

«Тяжелая работа здесь, — думал он теперь, ворочаясь на постели, — а может, не работа тяжелая — тяжелое это железо, чугун...»

Лопухов взглянул на стекла: листьев прилипло больше, зарево погасло, значит, паровозик увез пустые чаши и теперь долго не приедет к его окну... А сон не приходит. И грустно оттого, что все еще не устроено в его жизни: родные далеко, друзей покамест нету, сам он всего десять дней работает выбивальщиком в литейном цехе и даже не знает еще, какая будет зарплата и как он станет дальше жить...

Отец сказал ему: «Ты не пропадешь, ты не пропадешь...» Вот, не пропал! Но этого мало!

В общежитии многое ему не нравится. Шумно, и у всех на глазах, а еще бывает — пьяные. Вот если бы уйти отсюда, но уйти не к кому.

Или прямо жениться, как делают другие? Думать об этом приятно. Чем не невеста, например, дочь кастелянши Зойка, которая так задается, а ходит еще в школьной форме с белым фартуком, или та незнакомая задумчивая девушка в зеленом пальто, которую он видел два раза в трамвае? Он не знает, какая она, эта любовь, только знает, что ему нравятся все девчонки. И вот: невеста, молодая и веселая, согласилась стать его женой. Он возьмет ее за руку, счастливый, поведет в маленькую свою комнату, которую ему дадут в большом доме, где живут семейные люди. Все выйдут их встречать и станут аплодировать, потому что это бывает раз в жизни...

Ванька даже приподнялся на локте и зажмурился от удовольствия, так это здорово получалось!

Тут он спохватился: ведь он еще молод — лишь восемнадцать! Все, о чем он думает, впереди. Надо работать изо всех сил, чтобы невеста увидала, что за человек Иван Лопухов, сколько он зарабатывает, что он умеет!..

И еще сказал он себе: «Если будет плохо дальше, уйду с завода и уеду...»

Обняв руками узкие плечи, Лопухов вскоре заснул, унося в сон сожаление о том, что не уродился для тяжелой работы великаном.

II

Утром, собравшись и поев, бросив «доброе утро» злой кастелянше, Иван Лопухов вышел на улицу, низкорослый, с круглым лбом, закрытым челочкой, с подпухшими, навыкате глазами. Губы тонкие, будто поджаты. Подбородок — вперед, руки содранные и жесткие, как всегда, сжаты в кулачки. Одет он был в длинную до колен фуфайку, штаны заправил в носки.

По улице шли рабочие, хозяйки с сумками и кошелками. Со стороны завода раздался долгий призывный гудок: до начала смены оставалось тридцать минут.

Многоквартирные каменные дома со стенами, холодными в тени, асфальтовые тротуары с кленами уходили вниз к чугунному заводскому мосту, и там, где трамвайные рельсы изогнулись в полукруге, с Комсомольской площади, был виден весь завод, опоясанный пламенем, город и вдали — агломерационная фабрика, бараки и землянки по горам. Насыпь, где ночью сливали шлак, была окаймлена оранжевой полосой — около ЦЭС выжжен камыш и, если вглядеться, видны обглоданные огнем и паром дудки.

Вот уже главный вход — несколько проходных, над которыми прибиты полинявшие от дождей и зноя лозунги, и два крупных, нари-

сованных на фанере ордена. Деловито и торжественно проверяют пропуска вахтеры.

И улицы и мост гудят. Один за другим идут рабочие, все вместе, будто знают, что нельзя не вместе.

«Сколько нас! — восхищался Лопухов. — Идут и идут! Черно на улицах, и на мосту, и у главного входа... Мы встаем раньше всех и, если нас собрать, сможем — по лопатке — перенести с места на место целую гору!»

Лопухов смотрел на тех, кого в учебниках, газетах и книгах называют рабочим классом, и был весь поглощен живой, суровой картиной движения. И мысли о себе, о деньгах и одиночестве показались ему мелкими и жалкими.

Ему было теперь досадно оттого, что из всего потока он знает только свою смену — четырех рабочих-выбивальщиков,— да и то они относятся к нему снисходительно и называют его: один — «мальцом», другой — «нашей кадрой», третий — «Иванушкой», а Нитков, самый старый, просто никак, а только подзывает пальцем...

...Сегодня они о чем-то спорили и на его «здравствуйте» не обратили внимания. Лопухов зашагал с ними рядом, стараясь попасть в ногу, и услышал, как Нитков, высокий, жилистый, с постоянной ухмылкой на румяном лице, хвастливо доложил, заглядывая каждому в глаза:

— Узнала, что я за птица, и такой она мне виноград устроила!..

Ванька понял, что «она» — это новая жена Ниткова. Он вчера отпрашивался у начальника цеха на свадьбу. Веселый, с тихой душой человек, Нитков, хороший литейщик, своей квартиры не имеет, живет у знакомых женщин, у которых от него есть дети. Половина зарплаты у него уходит по исполнительным листам, а сам он кормится у всех и каждый день со смехом хвалится в цехе: «У меня вон сколько домов, и всюду я муж и отец...»

— Значит, выгнала? А как теперь? — спросил молчаливый, застегнутый всегда на все пуговицы Хмыров, узкоплечий, лысый, с брюшком.

— Теперь подарок понесу какой-нибудь... — ответил задумчиво Нитков.

Шагавший с ним рядом Белугин, тяжелый, плечистый и чуть сгорбленный, расправил покатые, круглые плечи, брезгливо раздвинул усмешкой прокуренные усы, покачал большой седоватой головой, подстриженной «под бокс».

— Думаешь на подарке всю жизнь прожить...

— Проживу как-нибудь... — сжал губы Нитков и махнул рукой.

Белугин кашлянул и, расправив ладонью усы, зло бросил:

— Как-нибудь не годится. Хорошо надо жить. А так... По дурочке все это

— Ну вот, выгнала... Теперь все начинай сначала! А у тебя ни кола, ни двора... Были б хоть крохотный дом с огородиком-то, привел бы какую жену — и живи! — Хмыров одернул пиджак и с достоинством взглянул на Ниткова.

Лопухов слушал разговор, и ему было жаль Ниткова. Хмыров был прав, но Ванька не любил этого дядьку с холодными, подслеповатыми глазами. Когда Хмыров поднимал вагу, животик его втягивался, пропадал, а лицо багровело. Не любил его за то, что он никогда не обедал с ними в столовой: считал это «тратой денег», а садился в цехе на лестничной площадке или прямо на болванку, уткнув ноги в песок, расстилал перед собой платок и ел продукты, полученные от «своего личного сельского хозяйства», как шутил он. Когда он ел, становился веселым, и по его рябоватому и грязному от колошниковой пыли лицу нельзя было понять, улыбается он в это время или жует. И говорил при этом: «Молоко от коровки, у которой вытек глаз, а доится, холера, как водокачка. Яйца от хохлаток-наседок и петушков... Птицы не райские — земные». Ел холодное вареное мясо, морковь, огурцы, лук и масло, а потом завертывал остатки в узелок и, вздохнув, ложился вздремнуть, пока не разбудят.

— Так вот я и говорю... Домишко тебе с огородом и жену — и живи!

Белугин перебил Хмырова, передернул плечами.

— Зачем ему это? Зачем?! Человек запутался, как рыба в сетях. Бьется, бьется, а плыть не может.— И обратился к Ниткову, оглядывая его с ног до головы: — Тебе, Мокеич, себя ладить надо.

— Куда уж, налажен! Поздновато вроде, — обиженно ответил Нитков.

— А что ему? Не мальчишка! Один, скажем, хозяйством живет, честь-честью на производстве... Другой с женами воюет. А с ними натощак трудновато! Иногда надо уступить, а иногда — наступить! Совет тебе дам, Нитков: люби жену, как душу, а тряси, как грушу! Я тоже свою трясу. Вот она у меня где, — засмеялся Хмыров и показал, где у него жена, вытянув кулак.

— Вот он их всех и трясет, а все равно жизни нет, — отрезал Белугин и сжал скулы.

— Нету, это верно, — устало согласился Нитков.

Они прошли мост и зашагали по булыжнику заводской площади. Ванька старался разобраться в том, о чем говорили старшие, особенно он прислушивался к Хмырову: тот высказывался прямо, определенно, видно, и живет этот человек в согласии с давно выработанными для себя правилами — скаредно и круто. Ниткова ему было жаль. Конечно, у него самого все будет по-другому, жить разгульно, как живет Нитков, он не будет. Что касается Белугина, то было непонятно, почему он так раздражен. Лопухов относился к Белугину с почтением: тот первый встретил его на заводе, поставил работать рядом с собой, учил, как держать вагу и стаскивать опоки, чтобы не уставать сразу. А через неделю он пригласил Ваньку к себе домой и представил своей жене, сыновьям: художнику и инженеру:

— Вот новенький в цехе. Наша кадра!

Сейчас Лопухов смотрел в широкую спину Белугина и старался вникнуть в его слова.

— Все мы, как чугунные опоки, выбивать надо, вытряхивать из нас все, что сгорело. Ты нас не слушай, сынок, — обернулся Белугин и обнял Лопухова тяжелой теплой рукой.

Так, обнявшись, они прошли мимо вахтера.

— Ну, наша кадра, что кислый такой, что нос повесил?

— Не знаю... — грустно ответил Ванька, чувствуя теплоту руки Белугина. Так обнимал когда-то отец, когда ему было хорошо.

— Надо знать. С плохим настроением в цех входить строго воспрещается. Будь я на месте директора, издал бы такой приказ. Понял? Дело делать идешь, не на прогулку. Голову опустишь — ерунды можешь напороть. Человек должен радоваться.

— Чему радоваться-то? — спросил Ванька.

Ему хотелось поговорить с Белугиным, довериться ему, но о чем говорить, он не знал.

— Чему? Жизни... На работу надо, как к невесте, ходить, а не просто потому, что зарплату дают. Вот он, — указал Белугин на шагавшего впереди Хмырова, — двадцать лет на заводе, а все равно рабочим не стал. Ты думаешь, написал заявление, оформлен — и уже рабочий?.. Э-э! Нет...

— Это я понимаю, — согласился Ванька и добавил: — Тяжело работать...

— Оно понятно, мы не с печенья пыль сдуваем. С железом дело имеем. А металл для человека — все равно что хлеб. Ты думаешь, все мы рабочие? Кому рубли нужны, а кому еще и петь хочется. Работа! Не люблю я это слово... Не то оно. Работа кормит. А вот дело!.. Это здесь! — Белугин постучал по груди.— В душе, в жизни! Я тоже не любил раньше работу: уставал. А почему уставал? Не любил. А полюбил — и понял, в чем дело. По-другому петь стал. Ну, известно: чем больше любишь, тем больше сделаешь и других любить, уважать станешь крепко, на всю жизнь, как товарищей. Это, брат, душа хорошеет. И на завод идешь, как к себе домой.

— Я плохо спал сегодня, всю ночь думал... Вам хорошо: вы на ноги встали...— сказал Ванька и покраснел.

— Во, во! Это ты здорово подметил. На ноги! Не сразу, а несколько десятков годков каждый день на ноги становлюсь. Главное, чтоб все стало на место у человека: дело, любовь, чтоб сыт и обут был, товарищей полно... Смотришь — и началась жизнь! Вот у тебя, я вижу, не началась еще. Вот и трудно тебе, и ночь сегодня не спал... Начать жизнь не трудно... А какую? Можно и как Нитков прожить, да стыдно себя и других обманывать. О Хмырове я и говорить не буду: у него любовь к делу лишь на рубле замешена.

Они вместе вошли в цех и первое, что увидели, — гудящее пламя.

III

Уже прошло три часа — три заполненных опоками конвейера, а Ванька все не мог почувствовать, что пришел в цех, как домой. Так же, как и в первый день, только сегодня за три часа он устал больше, чем в прежние дни.

Литейный цех. Остекленные пролеты высоких стен. Яркое пламя и черные тени. Здесь никогда нет ночи. От огня железные стропила здания, подкрановые балки и фермы как раскаленные, а там, где вагранщики льют чугун в ковш, качаются зарева, и долго сыплется потом металлическая пыль, и дрожит насыщенный пылью и паром горячий воздух. От жары пересохли губы, и когда вспыхивает красно-желтый свет от расплавленного чугуна, на лицах видны одни глаза и все похожи на бронзовые скульптуры.

— Давай, давай, давай!.. — кричит Белугин и бежит тяжело и устало от заливщика, потом становится во главе рабочих-выбивальщиков, и тут начинается работа.

Но до этого люди ждут, курят. Сначала слышится оглушительный грохот пустого конвейера, отблески пламени колышутся на лицах, вздрагивает земля под ногами, и не чувствуешь собственного стука сердца, будто оно молчит. Огни разного цвета сменяют друг друга там, вдали, а здесь под мерный, спокойный свет электролампы готовят из песка форму. И вот конвейер спешит к вагранке, где беснуется уже живое, веселое зарево и искры кипящего чугуна простреливают воздух. Громадный ковш ждет у вагранки, зияя черной пустотой, потом пьет желтое месиво металла и медленно, нехотя, свисая и покачиваясь на крюке подвесного крана, спешит залить черные рты пузатых опок, уставленных на конвейерной ленте, как патроны в патронташе.

Как всегда, смеется заливщик в синих очках, похожий на мотоциклиста. Смеется каждый день, потому что словно знает: ковш наклоняется и льет в опоки чугун и кланяется

ему, человеку. Откланявшись, ковш уплывает на кране назад, будто снова хочет напиться железного пламени.

Дрожат над опоками голубые огни, снова гудит земля. У конвейера уже ждут наготове с железными крюками выбивальщики.

В это время и кричит Белугин:

— Давай, давай!..

Ванька тоже ждет. Длинная железная вага тяжела. Он держит ее на весу, выставив вперед, как ружье. Конвейерная лента движется равномерно, и тут успевай зацепить вагой опоку, выбить и стащить, да так, чтоб она не упала на твою голову.

Ванька следит, напрягается, бьет вагой опоку, и она выпадает из ленты на решетчатый пол. Ванька отскакивает, зажимает уши от грома, по ногам и всему телу проходит дрожь. Пол прыгает под ногами, и начинаешь чихать от угара: горелый песок трескается, и шлепается кусками под ноги, и сыплется в решетку. Держи вагу крепче и целься в следующую опоку! «Металл для человека все равно что хлеб. Хорошо и приятно шагать на завод в рабочем потоке, а вот попробуй поработать... Поспевай и не хнычь, что кости болят!»

Ванька выбил и сдернул другую опоку. Она загремела об пол, но песок не рассыпался. Подошел Белугин и ударил по песку молотом. Чугунная болванка обнажилась. Хмыров подцепил отливку крюком подъемника и уложил в железный ящик.

За два часа до обеда у Ваньки перед глазами поплыли пламенные круги. Они были сначала маленькие и действительно плыли над конвейером, потом круги закачались над вагой, и, когда он зацеплял опоку, круги вспыхивали, освещали цех, и все вокруг качалось, грохотало, гремело и сыпался, сыпался горелый песок. Он шуршал, как камыши над холодной водой, жег щеки, и хотелось упасть и уснуть.

Подходил Хмыров, хлопал по плечу, тряс животом, втягивал плечи и смеялся:

— Ну, как теперь?

Нитков, высокий и жилистый, орудовал будто за всех. Румяное лицо его с ухмылкой было красивым. Он вскидывал вагу вверх, целился в опоку и, зацепив ее, кричал:

— Бац! И нет старушки!

А когда отливка обнажалась, он стучал в чугунную болванку ногой, поднимал руку и радостно кланялся болванке:

— Прри-вет!

Ванька удивлялся, что у Ниткова все получалось легко, как будто он не работает, а играет, и позавидовал ему.

Хмыров наблюдал за Ванькой подслеповатыми глазами.

«Ему что, — злился Ванька, — подцепил отливку подъемником, уложил в ящик — и прощай! Не только жизнь, а и работа в свое удовольствие».

Ванька недоумевал. Как так? Хмырову легче, чем всем, а плата та же. Здоровый, моложе Белугина, а вагу не держит!

Белугин стоял впереди. Он вскидывал вагу и ритмично обнажал конвейер, опоки летели на пол и укладывались в ряд. Ему было всех трудней, но по его веселому, доброму лицу было видно, что ему нравится дело. Большой, широкоплечий, он закрывал своей покатой спиной пламя у вагранки, работал, выкрикивая: «Эх-ма, эх-ма!» И Ванька уверился: если бы не Белугин, конвейер остановился бы.

Когда конвейер ждал формы, Белугин долго пил газированную воду, утирал пот со лба и шеи большим платком. Нитков сидел на ящике, закрыв глаза, чтоб отдышаться. Хмыров пинал ногой песок под решетку. Лопухов, прислонившись к стене, отдыхал. Болели плечи, хотелось выскочить на воздух, к воротам, но что-то удерживало: усталость или совесть?

«Полюби дело», — так говорил Белугин утром. Работу еще не полюбил — тяжело работать. А вот людей уже знает он... Нитков... Мокеич... Белугин!..

Ваньке стало до боли грустно. Почему у него отец был не таким, как Белугин? Близким, сильным, справедливым! Отцу всю жизнь было трудно с большой семьей, а все он хотел, чтобы было легче. Легко — значит правильно! Умерла мать — еще тяжелей... «Идите все работать!» А вот Белугин не то что отец: учил своих старших сыновей и сейчас младших учит...

Скоро опять начнется конвейерный прогон, снова придется дышать запахом горелой земли, громадный горячий ковш вдали будет медленно и грозно набирать высоту и кланяться человеку.

За час до обеда Лопухов промахнулся вагой, и две опоки отплыли к Ниткову. Тот два раза подпрыгнул на месте, прокричал, как всегда: «Бац! И нет старушки!» и «Прри-вет!» Хмыров уложил отливки в железный ящик, и пустой конвейер остановился.

— Ну, кадра, тяжеловато?! — услышал Ванька над ухом бас Белугина и вытер мокрый лоб потертой горячей рукавицей. Лоб защипало от сухой, жесткой суконки.

— Ничего. Привыкну, — ответил Лопухов и вздохнул.

Белугин взял его за плечи и подтолкнул к рабочему месту Хмырова, тот посторонился.

— Становись сюда. Тут легче. Отдохни.

— Не стану! — почти выкрикнул Лопухов и сжал кулаки.

Слыша гудение улиц, топот ног, он ясно увидел перед глазами рабочий поток молчаливых, суровых людей, их сильные фигуры в фуфайках и куртках, лица незнакомки в трамвае и Зойки слились в одно лицо, которое подмигивало и смеялось: «Жених!», — и понял, что Белугин пожалел его, Лопухова, пожалел, как Ниткова. Понял и ожесточился на самого себя. Ниткова жалели как человека, который не умеет жить, а его, Ваньку, как рабочего!..

— Не стану! — почти выдохнул он, и к нему приблизилось бледное лицо Белугина: шея, как у борца, седина на висках, усы кверху, на скулах желваки.

— Цыц, мальчишка! Ты, Хмыров, бери вагу, выбивай...

— Это почему?

Хмыров посуровел, у него залоснились от света пламени выбритые щеки, войлочную шляпу он растерянно заломил на затылок, и в черной тени от нее заблестела лысина.

— Почему?! — Белугин расставил ноги и упер руки в бока. — Этак мы парня угробим.

— Нда-а... — Хмыров покачал головой и усмехнулся в лицо Белугину. — Ты как дома. Не больно-то! Не начальник! Ваги у всех одинаковы. Такую же зарплату получаешь. Я здесь поставлен.

— Слушай, ты, — Белугин старался сдержаться, — катись из цеха в сторожа и сиди руки сложа, и там зарплата!

Огромные башмаки Хмырова обиженно застучали по решетчатому полу. Ванька отдал ему вагу. «Ладно. Отдохну. А после обеда ни за что не соглашусь».

И снова пошел конвейер. И снова в грохоте и скрежете раздавался громкий бас Белугина:

— Давай, давай, давай...

Белугин, подняв голову кверху, махал рукавицей, будто грозил кому-то.

Хмыров работал с остервенением, ворочая глазами, гулко ударял вагой по опоке, словно выбивал рубли; руки, когда он размахивался, становились длиннее, и он бил, бил вагой по чугунной болванке, будто хотел выбить из нее всю душу.

IV

В столовой Ванька съел только борщ. Аппетита не было. Он оставил обед и вышел на воздух. Горячая, потная роба жгла тело. Откинул куртку за плечи, но и это не принесло облегчения. Солнечные лучи, желтые, палевые, резкие, кажется, звенят, зной гудит в ушах. Металлические бока огромных турбинных труб — секций — отражают солнце, и только внутри их синяя тень, будто изнутри трубы отлиты из толстого стекла. В них обычно отдыхают электросварщики.

Ванька прилег неподалеку, у штабеля шпал, в тени. Его внимание привлекла рыжая ферма, сваленная набок в канаву: в ее просветах вспыхивало голубое пламя со звездой в середине, оно слепило глаза. Это резали железо.

Он вгляделся в сварщиков, улыбнулся им и стал следить за потрескивавшим уже фиолетовым пламенем. Оно распарывало воздух, и воздух стрелял, взрываясь на электродной игле.

«Им тоже нелегко. Работают... не бегут», — подумал Ванька и устыдился своей слабости.

Зацеплять подъемником болванки и грузить их в железный ящик легко, но делать это скучно, неинтересно. Стоишь и ждешь, а твоя вага уже не стучит вслед за другой, и пламя на конвейере уже не твое... Зачем отдал вагу Хмырову? Белугин приказал. Научиться бы работать так ловко и красиво, как Нитков, и самому кричать упавшей опоке: «Привет!» Или, как Белугин, бежать к заливщику и торопить его: «Давай, давай, давай!», — а потом первому сбивать с конвейера болванку, зная, что за тобой последуют другие... И так работать всю смену, а потом вместе идти домой... Может, тогда не будет одиноко и тяжело. А что еще?

Он чуть было не задремал в тени под монотонное гудение зноя, под треск электросварки. С усилием открыв глаза, он увидел: у ограды, облокотившись на решетку, стояла девушка и, прищурясь, смотрела на пруд, на правый дальний берег, туда, где за ширью золотой воды стоял каменный город, начиналась степь, а за нею, сливаясь с небом, опоясывали горизонт голубые Уральские горы.

Девушка что-то ела, откинув платок на шею и косичку с лентой на плечо. По пруду, двигая длинные синие тени к берегу, плыли белые яхты местного клуба ДОСААФ. От завода к пруду неслись клочья дыма, над правым берегом полнеба закрывали тяжелые, холодные тучи. Вскоре стало невозможно отличать, где дым, а где тучи, все смешалось в вышине над водой, и только яхты со снежно-белыми парусами стремительно резали воду, словно гонялись за солнцем, которое то выглядывало, то пропадало за этой завесой. Солнце было черное и зловещее. Потом оно скрылось вовсе, зеленая тень накрыла пруд, яхты стали еще белее и, казалось, летели, чуть касаясь воды.

Ванька смотрел на девушку, на пруд, на

Будильник

Юрий ГЕРАСИМЕНКО

Сегодня опоздал вдруг на работу
Отец Николки... Как беде помочь!
Опять с будильником случилось что-то:
Уже светло, а на часах все ночь...

Вот бабушка взяла будильник в руки,
Трясла, вертела, ставила бочком.
— Ну, что ж, — сказала, — знать, свое
отстукал,
Оттарахтел... Спасибо и на том.

Потом в нем шпилькой ковырялась мама.
— А ну-ка, дай! — решился старший брат
И целый час возился с ним упрямо,
И дело, кажется, пошло на лад.

Как вдруг отец вернулся ненадолго
И, подведя итог, махнул рукой:
— Пускай мудрит с будильником Николка,
Он справится... Пойду куплю другой...

И вот Николка, гордый невозможно,
В своем углу, средь кубиков цветных,
Кривым гвоздочком (надо ж осторожно!)
Приподнял крышку — и застыл на миг.

Аж дух перехватило у мальчонки:
Таких чудес представить он не мог —
Блестящие пружинки, шестеренки,
Какой-то серебристый волосок...

Он целый вечер не шалил нисколько,
Не трогал никого и не тянул.
Мать удивлялась: — Где же наш Николка!
Что с ним случилось! Часом, не уснул!..

Нет! Не до сна мальчонке было.
Счастье
Открытия, какого не знавал,
Разглядывая блещущие части,
Впервые в жизни он переживал!

Перевел с украинского И. КОБЗЕВ.

яхты с каким-то необъяснимым волнением. Она заметила, что парень разглядывает ее, поджала губы, и на щеках ее он увидел ямочки.

— Ты куда смотришь? — спросила она певучим голосом.

— На тебя.

— А ты на меня не смотри! — приказала она и стала заплетать ленту в косичку.

— Не торчи перед глазами! — обиженно бросил Лопухов.

Девушка сердито отвернулась.

— Ну, вот, обидел!..

Он подошел к ограде, облокотился и тоже стал смотреть на яхты. Девушка чуть отодвинулась и спросила:

— Как тебя зовут?

Сказал.

— Имя хорошее, а вот фамилия... Лопухов! Лопухом дразнить можно. — Она рассмеялась и заговорила, будто шутя: — Вижу, работяга. Наверно, гайки подносишь? — Оглядела его с ног до головы. — Рост ничего, нельзя сказать, чтобы был малышка,— парашютная вышка.

Ванька пожал плечами: «А сама-то! Смейся, смейся, колючка. Получишь!»

Девушка показала на паруса.

— Вон, видишь, третья яхта? Самая быстрая, а отстает. Вчера мы впереди шли.

Лопухов никогда не катался на яхте, только на лодке, и он с уважением спросил девушку:

— А туда всех пускают?

— Запишись, научишься управлять...

Он вздохнул и застегнул куртку на пуговицу.

— Гудок еще не гудел...— И добавил как бы между прочим: — Я в литейном цехе работаю.

— А я вон там!

Девушка показала на небо. Ее палец очертил дугу и остановился на кране. Кран, как огромная птица, стоял на эстакаде над грудой листового железа, рельсов и труб.

«И совсем она не обиделась, и не злая», — подумал Ванька и вгляделся в ее веселые, голубые, припорошенные моторной пылью глаза, будто обведенные черной краской

— Ты там как птица в гнездышке.

— Угу! Орлиха! — засмеялась она в ответ и совсем доверчиво и певуче договорила:— Оттуда, — она указала на будку крана, — все как нарисовано, а все-таки на землю лучше смотреть с земли, чем с неба. Я в будке никогда не обедаю.

— Гроза будет. Смотри!..

Они вдвоем оглядели небо. Тучи шли издалека, откуда-то с голубых Уральских гор, они обложили все небо, нависли над заводом и накатывались на старый город, покрывая тенью бараки, землянки и красивые коттеджи в березняке. Над городом возвышалась, еще залитая солнцем, огромная ступенчатая гора. Оттуда электровозы уже двадцать пять лет возили железную руду прямо на завод. Гору называли «кормилицей», и действительно, она кормила завод, а завод весь город.

— Угадай: сколько в ней руды? На сколько лет хватит? — спросила девушка.

Он не знал и развел руками.

— Эх ты! Там миллионы тонн. Это целая цепь гор. Руда наверху, а сколько еще под землей!.. А кто первый взвесил гору? Не знаешь... — И тихо, будто по секрету, сообщила: — Профессор Маразевич. У него там приборчики были, чашечки, раз-раз, ну, прямо как в аптеке. Догадался он! — восхищенно закончила она, будто сожалея, что не она первая догадалась взвесить эту гору.

— А ты откуда знаешь? — обиженно растянул Ванька.

Она помолчала.

— Мой отец — экскаваторщик. Он двадцать лет грузил руду, и вон, видишь, полгоры осталось. «Гора моей жизни», — говорит он. Он на пенсии сейчас, а свой экскаватор и полгоры отдал другому... «Эх,— сказал,—жаль, не удалось мне эту гору всю с плеч свалить!» И каждый день смотрит на нее в окошко.

— Да-а! — восхищенно и задумчиво выдохнул Ванька, чувствуя, что проникся уважением и к девушке и к ее отцу. — Этой горы на всю жизнь хватит! Успевай рыть!

Громадные желтые и бурые ступени поблескивали над городом, и ему представился экскаватор, грузящий в вагоны руду. Из нее выплавляют чугун, из чугуна льют болванки, а он вагой стаскивает их с конвейера. «Металл для человека все равно что хлеб», — вспомнил он опять слова Белугина.

К этой девушке, знавшей больше его о том большом деле, каким были заняты они оба, он проникался все большей симпатией.

— Как тебя зовут? — спросил он ее дружелюбно.

— Надежда.

Он вспомнил, что где-то прочитал: «Если у человека есть надежда, — он уже человек». Как хорошо было бы с Надей каждый день в обеденный перерыв смотреть вот так на яхты, на небо, на гору и говорить обо всем на света и даже о любви! И еще он где-то читал и красивые слова, которые ему хотелось сказать Наде: «Любовь приходит и уходит. А иногда она приходит и не уходит».

Они вздрогнули оба от громкого гудка. На заводском дворе стало прохладно: подул ветер с пруда.

— Ну, я в цех. Работать.

Уходить Ваньке не хотелось.

— Иди, не споткнись! — пошутила Надя и, легко перепрыгивая через брусья железа, направилась к эстакаде.

Он смотрел ей вслед, наблюдая, как она взбирается по лестнице в будочку.

В цехе он взял у Хмырова свою вагу и стал на свое рабочее место рядом с Белугиным. Никто почему-то не возражал, только все с улыбкой переглянулись, и Ванька молча и хмуро, довольный, работал до окончания смены.

Домой он возвращался один и, странное дело, не чувствовал усталости. Правда, руки по-прежнему болели, но настроение у него было хорошее. Сегодня он работал не один, а со всеми и не струсил, потому что понял: со всеми он делал одно важное дело, которому люди отдают не только рабочие руки, но и души.

Лопухов не спешил, в своей душе он нес что-то новое, а что, он пока еще не понимал, просто было радостно.

...Грозы так и не было. Тучи ушли за гору-«кормилицу». Каменный город, отделенный от завода бурыми водами реки, дремал в горячих сумерках. К берегу, к дамбам моста, к насыпи прибивало мертвую белую рыбу. Она будто нарочно застревала в густой мазутной пене и даже от ветра не шевелилась. Мальчишки брали рыбу руками и бросали под мост в чистое течение, надеясь, что рыба оживет. Ванька отворачивался: было смешно и грустно наблюдать это. От реки веяло прохладой, а в городе еще стояла жара, и на улицах пахло бензином и нагретым асфальтом.

Все в городе затихало, люди готовились к ужину, к отдыху, а Лопухову хотелось бродить по городу и думать о себе, о людях, о жизни.

На Комсомольской площади он увидел знакомого парня в короткой рубашке с белыми пуговицами, который нес в общежитие моток проволоки и болты. Сегодня в красном уголке будут монтировать пробный телевизор. «И после работы работает!» — с уважением подумал Ванька о парне.

Лопухов шел мимо киосков, в которых продавали капусту, мороженое и книги. Ярко светился огнями «Гастроном», на карнизе почты пело радио.

Отсюда виден почти весь город. Заводское пламя освещает все вокруг, и сюда вечерами люди приходят смотреть на огни. Трамвайные рельсы, когда вспыхивает зарево, загораются красной лентой и, опоясывая площадь дугой, мерцают долго-долго, будто впаянные в асфальт. Внизу, у моста, шумит запруженная бетоном река, ударяет в быки моста и бурлит, когда припадает к воде тугой ветер, и гонит она волны с рыжей пеной далеко-далеко в степи, к Уральским горам. По вечерам свистит маневровый паровозик, и сливают шлак поочередно из двенадцати ковшей. Двенадцать раз вспыхивает зарево — двенадцать раз вспыхивает небо и постепенно гаснет. И тогда начинают ярко мерцать белые ночные звезды. И все смотрят на землю и небо и готовы смотреть до утра. В такие минуты где-то в душе сгорает грусть, ощущение одиночества и усталость и хочется всех людей сделать счастливыми.

ОКРАИНА

Константин ВАНШЕНКИН

ПЕРВЫЙ ДОМ

Свой первый дом отгрохали,
Не верится самим.
А хорошо ли, плохо ли,
Судить уже не им.

Уже готово здание,
От них отделено.
Другое им задание
Заранее дано.

Пришли девчата с митинга,
Готовы в новый путь
И к гармонисту: — Митенька,
Сыграй нам что-нибудь!..

Танцуют — не теряются —
Над маленьким прудом
И словно притворяются:
Забыли, мол, про дом.

Пронизан воздух мошкою
Поодаль от костра.
Все следом за гармошкою
Уходят со двора.

От извести, от дыма ли
Глаза немного ест...
Девчата щеки вымыли...
Затих монтажный трест!

Народ тамбовский, витебский
Уснул рабочим сном...

Впервые не родительский,
А новый снится дом.

ЗИМНИЙ БАЗАР

Да, мне нравится зимний базар,
Что найдешь не во многих столицах.
Над рядами клубящийся пар,
Топотня продавцов краснолицых.

Пробежим вдоль базарных рядов.
Что осталось от летней отрады!
Ожерелья сушеных грибов,
Да соления, да маринады.

Лук зеленый от стужи дрожит:
Он взращен за тепличною рамой.
А на льдистых прилавках лежит
Мясо в белых прожилках, как мрамор.

Вот антоновка, вот огурцы...
— Самый вкус! На, попробуй задаром!..

И ногами стучат продавцы,
И гуденье стоит над базаром.

А мороз нажимает, звеня.
Верных градусов тридцать — не шутка.
На колхозниках тверд, как броня,
Белый фартук поверх полушубка.

Все, что хочешь, отыщется тут:
Поросята, петрушка и свекла...

И троллейбусы мимо бегут,
Чуть мерцают их мерзлые стекла.

Льется свет через множество сит,
И, пылая холодным пожаром,
Медно-красное солнце висит
Над топочущим зимним базаром.

СНЕЖКИ

Был рыхлым снег, он здорово лепился,
И это видел каждый человек.
Но шел народ серьезный и крепился,
Не обращал внимания на снег.

Был рыхлым снег... А люди шли с завода.
И вдруг удачно пущенный снежок
Сбил шляпу у переднего кого-то
И ухо оскорбительно обжег.

Тот обернулся резко, раздраженный,
Кто это сделал, силясь угадать.
Да так вот и застыл завороженный:
Снега кругом — какая благодать!

Он поднял шляпу и нагнулся снова
И в крепкий снег ладони погрузил.
И отсвет выраженья озорного
Мелькнул в глазах, лицо преобразил.

...Лепили все!
Кто нес снежки открыто,
А кто коварно прятал в рукаве.
— Не надо! — кто-то выкрикнул сердито.
А солнце колыхалось в синеве.

И вот уже летит снежок со свистом,
Случайную отыскивая цель.
И поднялась под этим небом чистым
Невиданная крупная метель.

— Я не хотел... Простите, вам не больно!
Поверьте, не желаю вам вреда...

— Ну, не сердись! Опять ты недовольна!
Мальчишество! Подумаешь, беда...

— Ага, вы переходите к защите,
Портфелем закрываетесь! Ну, нет!..

— Послушайте, куда же вы бежите!
Боитесь подорвать авторитет!..

— С ума сошли! Оставьте нас в покое!
Не понимаю, что это за день!..

Да просто настроение такое
Веселое сегодня у людей.

Проходит все. Прошла и эта вспышка.
Мир тонет в оседающей пыльце.
И у кого, вы знаете, одышка,
А у кого смущенье на лице.

Вот так всегда... Кого-то мучит совесть...
Но пахнет снегом, свежестью — зимой.
И люди, постепенно успокоясь,
Шагают, утомленные, домой.

Они идут к гряде далеких зданий,
Вновь думают о службе,
о дровах,
Следы прямых и точных попаданий
Неся на шапках, спинах, рукавах...

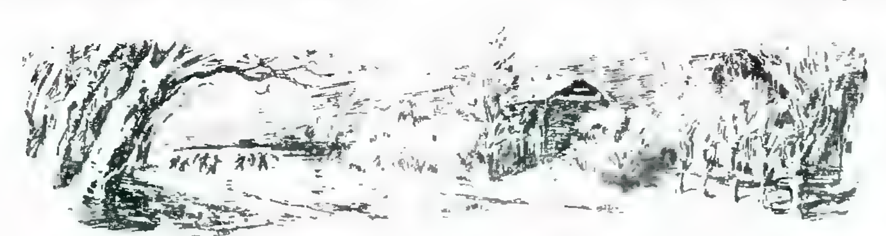

Рисунок М. Рабиновича.

Алла Варенова отвечает

«Фотографии из жизни Аллы Вареновой»

«Фотографии из жизни Аллы Вареновой» («Огонек» № 45, 1956 год) рассказывали о том, чем занимается девушка, поступившая после окончания десятилетки на завод в Минске. Этот фоторассказ вызвал много откликов. Авторы писем тепло поздравляют Аллу Варенову, интересуются подробностями, а попутно рассказывают о себе. Вот что пишут, например, четыре девушки из грузинского города Самтредиа:

«Лиля и Оля Родчанины работают на строительстве высоковольтной сети монтажницами. Галя Гридасова трудится на шелкомотальной фабрике. Галя и Оля учатся заочно в Институте иностранных языков. Нина Сахарова работает токарем в железнодорожном депо, одновременно получает образование в художественной школе и так же, как вы, посещает аэроклуб». Все подруги занимаются вышиванием, любят смотреть кинофильмы, отдыхают, развлекаются...

Но есть и такие письма, в которых высказываются сомнения, как это Алла может совмещать столько «нагрузок», как она «везде успевает». «Разве молодому человеку неохота выехать за город, поудить рыбу, побродить по степи, по лесу, покататься на лодке, просто посидеть с подругами и спеть песню, задушевно поговорить?» — спрашивает П. Попов из Астрахани.

Алла Варенова решила сама ответить на такие письма.

«Прежде всего мне не хочется, чтобы из меня делали героиню,— пишет она.— Я прекрасно понимаю, что таким, как я, в нашей стране счета нет. В своей жизни я стараюсь брать пример с настоящих героев нашей эпохи — Николая Островского, Валерия Чкалова, Алексея Маресьева, Олега Кошевого, с известного в стране председателя колхоза «Рассвет» К. П. Орловского, которого за всю его трудовую жизнь восход солнца ни разу не застал в постели. И вот, следуя этим настоящим героям, я стремлюсь каждый час и минуту провести с толком.

Вы пишете о «нагрузках». У меня нагрузок нет. Все, что я делаю, мне совсем не в тягость. Я могла бы не заниматься в вечернем университете марксизма-ленинизма или в аэроклубе. Никто и ничто меня к этому не принуждает. Вы спрашиваете, когда я отдыхаю. Отвечаю: за книжкой и в кабине планера, за вышивкой, в кино и на танцах. Все это для меня такой же отдых, как для вас, тов. Попов, поудить рыбу, побродить по степи, покататься на лодке.

Что еще могу сказать о себе?

На заводе я недавно получила шестой разряд.

В первом году обучения в вечернем университете марксизма-ленинизма историю партии я сдала на «хорошо», по истории СССР у меня приняли зачет. Во втором году сдала два зачета по политэкономии.

В музыкальной школе сейчас занимаюсь у нового преподавателя, который «переделывает» постановку рук.

В аэроклубе я прошла теоретический курс, а теперь с нетерпением жду зимнюю практику.

По комсомольской работе постоянных поручений не имею, но стараюсь быть активной на собраниях.

По правде говоря, на вышивку времени остается мало. Последнее рукоделие — «Медвежонок» и салфетка.

Регулярно по понедельникам хожу с подругами в кино, ежедневно читаю местную комсомольскую газету «Знамя юности». По воскресеньям хожу на танцы. За последние два месяца прочитала художественной литературы не так уж много: среди прочитанного — «Марья» Г. Медынского, «Мужество» В. Кетлинской, «Чайка» Н. Бирюкова.

Собственно, и все. Не такие уж большие достижения, но доступны они, мне кажется, каждому юноше, каждой девушке.

Что касается занятий в вечернем институте, то пока это моя мечта».

В. ЧИЧКОВ

Фото автора.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ЮЖНОГО КРЕСТА

На берегах «Январской реки»

Временами казалось, что небольшой моторный катер проваливается между высокими океанскими волнами. Но потом он снова взбирался наверх, и все новые пенящиеся гребни разбивались о его борт. Километрах в двух маячил бразильский берег. Рулевой забрал влево, и катер устремился к «воротам» бухты Гуанабары, на берегах которой лежит Рио-де-Жанейро — столица Бразилии.

В ночь под новый, 1502 год корабли под командованием Гонсало Коэло так же вот вырвались из океана и попали в эту бухту. Мореплаватели Старого света приняли бухту за устье неизвестной реки. В честь нового года они назвали ее «Рио-де-Жанейро», что значит «Январская река».

Пассажиры невольно вглядывались в водную гладь, обрамленную темно-зелеными горами, словно там можно отыскать старинные корабли под белыми парусами. Но в бухте пусто. Лишь кое-где плескались чайки.

Катер монотонно ревел. Все более отчетливо вырисовывалась набережная. На белых стенах небоскребов обозначились черные точки оконных проемов, стали заметны маленькие, словно игрушечные, автомобили.

Порт. Из катера пересаживаемся в большой автобус американской фирмы «Форд».

— Посмотрите налево,— командует в микрофон моложавый опытный чиновник из министерства иностранных дел, приставленный к нам в качестве гида.— Это типично для Рио.

Головы пассажиров поворачиваются влево, и взгляды их падают на тринадцатиэтажный небоскреб — министерство просвещения. Под сенью этой бетонированной громадины приютилась небольшая португальская церквушка колониальных времен.

— Внимание! — почтительно кричит гид.

Взору представляется двадцатиэтажное здание посольства США. Оно опирается на мощные круглые столбы, между которыми лениво прогуливается рослый полисмен.

За окном все новые дома, кварталы, улицы. Мраморные туннели для автомашин, знаменитый яхт-клуб, улица Варгаса, где автомобили мчатся в десять рядов. Потом бесконечные песчаные пляжи, Остров любви, поросший высокими, стройными пальмами.

В небольшом трамвайном вагончике долго тащимся вверх по склону семисотметровой горы. На вершине каменный Христос распростер в стороны руки. Статуя высотой в тридцать метров. Она смотрит пустыми глазницами в безбрежный сине-голубой океан.

Мы снова в автобусе. Шофер негромко напевает короткие задорные куплеты вроде наших частушек. Это злые и насмешливые песенки, в которых рассказывается о жизни бразильской столицы, о невзгодах горожан. Рио-де-Жанейро чарует туристов и восхищает горожан говорится в песенке. Горожан восхищает потому, что у них днем отсутствует вода, ночью — электричество и нет для них места в городском транспорте.

Это не выдумка. В Рио постоянно не хватает пресной воды. Даже в дорогом отеле, где жили мы, висела табличка: «Экономьте воду!» В домах победнее очень часты перебои с водой. Влаги много только в воздухе. Если ботинки полежат месяц без употребления, они сплошь покроются плесенью.

Воды много и во время тропических ливней. Они особенно сильны в июле или в августе, когда в Бразилии зима. Мы познакомились с таким ливнем, сидя в трамвае. У трамвайных вагонов в Рио нет стен, но, к счастью, есть крыша. Полтора часа мы не могли выйти из трамвая. Улицы напоминали бурлящие горные реки. Но вот снова показалось солнце. Быстро обсохшие трамвайные вагоны, называемые здесь бонде, тронулись в путь. Словечко «бонде» родилось от названия английской компании «Бонд энд шейр», трамвайные вагоны которой с давних пор громыхают по улицам Рио-де-Жанейро.

В часы «пик» в трамвай, в автобус попасть почти невозможно. Очереди километровые. При этом мужская часть местного населения прорывается обычно без очереди, используя право сильного. В такие часы мы отправлялись пешком из центра города в район Копакабаны, где находилась наша гостиница.

В тридцати минутах ходьбы от центра, залитого электрическим светом, вас встречают слабо освещенные кварталы. Однажды мы зашли в небольшое кафе. При тусклом свете лампочки простые люди Рио тянули из маленьких чашечек черный кофе — за день выпивают до десятка таких чашечек.

Слева от нас за столиком пожилой бразилец, справа — молодой, лет двадцати пяти негр. Его клетчатая рубаха даже при тусклом свете напоминает настоящую радугу из красного, зеленого и желтого цветов. Энергичное лицо негра сосредоточенно. Официант в белой потертой куртке приносит ему меню. Посетитель смущенно просит у официанта рассказать, что там написано.

— Он не знает португальского языка? — спрашиваем мы пожилого бразильца, после того как негр покидает кафе.

— Он неграмотен,— флегматично отзывается седоватый бразилец, отрывая от губ маленькую чашечку с кофе.— Половина бразильцев неграмотны.

«Все, как в Чикаго»

На территории Бразилии, превышающей территорию США, склад жизни людей разный. На просторах «сертан», напоминающих наши степи, где пасутся миллионные стада скота, быт мало чем отличается от времен первых португальских поселенцев. В верховьях многоводной реки Амазонки, где господствуют джунгли, ютятся индейцы в бамбуковых домишках на сваях. Лук и стрелы — до сих пор главное орудие добывания средств к жизни.

Жители бразильских городов тоже не похожи друг на друга. Кариока — житель Рио — медлителен, он может часами сидеть на набережной океана, греться на солнце и напевать ритмичную мамбу. Паулиста — житель другого крупного города Бразилии, Сан-Пауло,— с утра до ночи деловито носится по городу с вечной озабоченностью на лице.

Когда мы прибыли в Сан-Пауло, к нам приставили невысокого молодого человека по имени Марио. Наше знакомство с ним началось так.

— В Чикаго были? — деловито спросил юноша.

— Нет,— растерянно ответили мы.

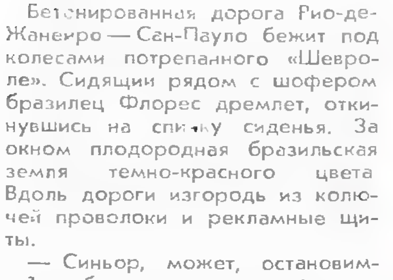
— Не беда! У нас все, как в Чикаго,— обнадежил Марио.— Посмотрите на полицейских,— тараторил бразилец, садясь в машину.— Наш муниципалитет набирает в полицию мужчин только двухметрового роста. Как в Чикаго!

Машина неслась по широкой длинной улице Сан-Хуан. Кое-где она ныряла в темноту туннеля, влетала на мост, без задержки проносясь над шумным перекрестком. В глазах мелькает реклама — американская реклама. Действительно, как в Чикаго.

В отличие от Рио здесь не видно построек колониальных времен: город молодой. Еще тридцать лет назад здесь было лишь триста тысяч жителей, а сейчас — три с половиной миллиона. Огромные пятнадцатиэтажные дома строятся не дольше чем шесть — восемь месяцев. Строительство ведут компании США. Выкорчевывается тропическая зелень, улицы заливаются асфальтом, и теперь лишь кое-где на фоне небоскребов виднеются одинокие, молчаливые пальмы.

Машина останавливается перед отелем с громким названием «Посольский». Какие-то седовласые русские эмигранты набрасываются на нас с вопросами. Русские слова сыплются вперемежку с португальскими. Из окна видна неширокая улица. Она отрезана от солнца высокими коробками домов. В тени движется процессия вроде крестного хода. Впереди на американском «джипе» человек пять католических священников. «Джип» движется очень медленно. За ним толпа. В бразилии большинство населения — ...

толики. Священники кропят из какого-то сосуда на прохожих. Механизированная процессия, очевидно, также позаимствована в Чикаго.

Вечером за круглым столиком в баре мы долго беседовали с жителями Сан-Пауло.

— Наш город скоро будет самым большим в мире,— гремел служащий муниципалитета.— У нас будет восемь... нет, десять миллионов жителей.

Мы вежливо кивали головой. Однако, побродив несколько дней по городу, мы убедились, что в словах наших собеседников не все от местного патриотизма. На юго-востоке Бразилии, вблизи Сан-Пауло, сосредоточены огромные природные богатства. Каждый год появляются сообщения о том, что найдены уран, железная руда, молибден, марганец, нефть, вольфрам. И тут же в Сан-Пауло возникают акционерные компании по разработке этих богатств. Вот почему Сан-Пауло растет как на дрожжах, а четырнадцать радиостанций города, обильно субсидируемые заводчиками, наполняют эфир рассказами о «райской» жизни трудящихся, пытаясь привлечь сюда новые рабочие руки со всего света.

Заводы и фабрики расположены на окраинах города. Конторы и банки — в центре, в больших многоэтажных домах. У входа таблички известных мировых фирм, главным образом североамериканских: «Форд», «Бетлехем стил корпорейшн», «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» На других домах вывески мясохладобоен, принадлежащих чикагским монополиям: «Свифт», «Армур» «Вильсон».

Прощаясь перед отъездом, наш проводник Марио как бы невзначай спросил:

— Ну как, похож наш город на Чикаго?

— Очевидно, похож,— отвечали мы вспоминая рослых полицейских и многочисленные вывески североамериканских компаний.

За колючей изгородью

Бетонированная дорога Рио-де-Жанейро — Сан-Пауло бежит под колесами потрепанного «Шевроле». Сидящий рядом с шофером бразилец Флорес дремлет, откинувшись на спинку сиденья. За окном плодородная бразильская земля темно-красного цвета. Вдоль дороги изгородь из колючей проволоки и рекламные щиты.

— Синьор, может, остановимся? — обращаюсь я к шоферу.— Ведь вы обещали познакомить меня с крестьянским бытом...

Машина сбавляет скорость. Справа вдалеке ферма, или фасенда, как говорят в Бразилии.

Фасенда небольшая. Дом под соломенной крышей. Окна без рам и без ставней загорожены циновкой. Пол земляной. Появляется хозяин.

— Я советский журналист. Мне хотелось бы познакомиться с вами,— неловко начал я.

Крестьянин несколько смутился, но тут же протянул мозолистую, шершавую руку. Заходим в дом. Вся обстановка — самодельный стол, стулья, старая деревянная кровать.

Недалеко от дома в деревянном долбленом корыте стирает белье женщина. На ней какие-то разноцветные лохмотья. Утомленный взгляд, сутулая спина, лицо ее выражает беспредельную усталость.

Хозяин посылает сынишку за фруктами. В плетеной корзине появляются бананы и лима. Эти фрукты похожи на апельсины, но вкус у них травяной. Зато лиме не нужен уход. Воткни черенок в землю — и через несколько лет собирай плоды.

Ирагори — так зовут крестьянина — приехал в эти края года два назад. Раньше он арендовал землю в другом штате, теперь арендует у местного помещика, которого он ни разу и не видал: тот живет где-то в Рио. Всеми делами вершит управляющий. За аренду земли, инвентарь и семена сорок процентов урожая идет помещику. Впрочем управляющий не часто балует арендатора инвентарем. Нередко Ирагори приходится пускать в ход мотыгу, как это делали деды и прадеды.

— Кому пойдешь жаловаться? — говорит арендатор, выколачивая старую трубку.— А пожалуешься, управляющий прогонит, придется снова искать землю и снова тащиться с семьей по пыльным дорогам, пока набредешь на такой же клочок земли за колючей изгородью...

Споры в тени

Бразильцы со страстью обсуждают жгучие вопросы жизни. В столице это делают в тени высоких зданий, в провинции — под сенью гигантских деревьев сумаума.

Однажды в Сан-Пауло я расположился отдохнуть на скамейке в центре города. Справа от меня сидел мужчина лет сорока с газетой перед глазами. За ним — еще какой-то бразилец в ярко-желтой рубашке. Заложив ногу на ногу, он лениво жевал «резиновую» конфету, называемую «чикле», и оглядывал прохожих. Бразильцы не были знакомы, но это не помешало читавшему газету толкнуть локтем своего соседа.

Матрис С. Антонио — уличный художник. Каждое утро перед богатыми гостиницами Копакабаны он строит из песка здание, чтобы получить от прохожих несколько крузейро.

— Видите! Североамериканцы опять лезут в наши дела.

— Ну и что? — флегматично отозвался сосед, отстраняя от лица газету.

— Как что? США хотят захватить нашу нефть! — повышая голос, шумел мужчина.

— А вы что, кушать нефть будете? Зачем она вам, позвольте спросить?

Подошли еще несколько человек. Кто-то минутку послушал, а потом заявил, указывая на скептика в желтой рубашке:

— Что вы перед ним бисер мечете? Разве не видите, что это питиянки!

На сторону читателя газеты встали еще два бразильца, судя по одежде, рабочие. Один из них был мулат, или, как их здесь называют, «кофе с молоком».

— Мы боремся против североамериканской кабалы! — начал запальчиво мулат.— А этот...

Голоса звучали все громче. И все более одиноким выглядел бразилец в желтой рубашке, которого презрительно называли непонятным мне словом «питиянки». Тронув за рукав стоявшего рядом бразильца, я нерешительно спросил:

— Скажите, что такое питиянки?

— Ха, ха, ха! Вы не знаете этого слова? — живо откликнулся невысокий подвижной бразилец.— Это значит: маленький янки. Питиянки называют бразильцев, которые пресмыкаются перед янки.

— Это слово часто употребляется? — поинтересовался я.

— Часто,— твердо отрезал бразилец.— Часто потому, что мы боремся против янки.

Крестьянин Ирагори во дворе своего дома.

НАША МАРИЯ

В одном из пражских музеев мне довелось видеть старую, пожелтевшую фотографию. На ней была площадь, запруженная большой толпой. Люди оттеснили полицию и бушуют у подъезда какого-то большого здания. Над клокочущей толпой — красивая девушка с красным знаменем. Она как бы живой центр толпы, к ней тянутся все эти возбужденные, воодушевленные люди.

Это не кадр из историко-революционного кинофильма. Фотографу удалось запечатлеть реальные события. Это одна из боевых демонстраций пролетариата Австро-Венгрии, живо откликнувшегося на первую русскую революцию 1905 года. Девушка со знаменем, как бы олицетворяющая в своем прекрасном облике революционный образ толпы,— Мария Майерова, знаменитая писательница Чехословакии, один из самых [illegible] литераторов современности, юбилей [illegible] и отмечает литературная общественность всего мира.

Майерова — [illegible] писатель-борец, вся жизнь которого связана с [illegible], без остатка отдана служению своему народу. Ее творчество являет собой пример поистине социалистической, народной литературы.

Она выросла в семье сталевара, на закопченных улицах рабочих слободок Черного Кладно, как и по сей день чешские труженики дружески именуют этот [illegible] металлургический центр. В цехах металлургического завода имени Маршала Конева до сих пор жива память о том, как когда-то хорошенькая круглолицая девочка приносила сюда к старым мартенам отцовский обед в судках, обернутых платком. С детства Мария Майерова наблюдала жизнь рабочего класса, дикие нравы, царившие в цехах капиталистических предприятий, безрадостный быт рабочих слободок, рост недовольства тружеников и первые проблески революционной зари. Впрочем, слово «наблюдала», для любого другого писателя вполне закономерное, к Марии Майеровой совершенно не подходит. Она жила жизнью тружеников Черного Кладно, [illegible] была участницей их [illegible], она была одним из тех, кто сам разжигал в [illegible] стране [illegible] [illegible].

И именно то, что она плоть от плоти, кость от кости славного рабочего класса Чехословакии, насытило лучшие ее книги таким бесценным материалом, такими живыми, запоминающимися образами. Читая ее книги, как бы становишься свидетелем всего в них описанного, живешь жизнью их героев, волнуешься за их судьбу, испытываешь горячее желание вмешаться в ход событий, помочь героям положительным, вцепиться в горло героям отрицательным.

Я очень люблю Чехословакию. Мне довелось в разное время много походить по этой стране. У меня там много друзей. Но именно книги Майеровой и Запотоцкого раскрыли передо мной душу ее тружеников, позволили понять своеобразие идей и революции в этой стране, боевые труды ее рабочего класса, почувствовать характеры ее людей.

Два романа М. Майеровой — «Сирена» и «Шахтерская баллада» — запечатлели в ярких жизненных образах историю развития капитализма в Чехословакии, рост рабочего класса, формирование его сознания. Портреты трех поколений рабочих людей нарисованы писательницей с любовью и проникновенностью. Так может рисовать только художник, не просто видящий, но и в совершенстве знающий свою модель. Прочтешь эти книги — и кажется, что ты лично знал всю пролетарскую династию Гудцов, жил с ними, дружил, вместе с ними радовался и горевал.

Нам, советским людям, М. Майерова дорога не только как прекрасный писатель, но и как старый и верный друг нашей страны. Еще летом 1924 года писательница приезжала в Советский Союз как участница Пятого конгресса Коммунистического Интернационала. И это первое ее знакомство со страной социализма сделало писательницу нашим добрым другом. В своих статьях, выступлениях, докладах она с небывалой теплотой говорила о нашей Родине, о советских людях, о строительстве социализма. А когда в памятный всем праздник, день 9-го мая, советские танкисты, пришедшие на помощь чешским повстанцам, входили в Прагу, в числе тех тысяч людей, кто по-братски встречал их, была Мария Майерова.

— Это был счастливый день,— рассказывала она мне потом.

Эти слова много значили, ибо говорила их не только великолепная писательница, не только передовой представитель чехословацкой интеллигенции. Их произнесла та, что запечатлена с красным знаменем в руках над революционной толпой, выплеснувшейся на улицы в 1905 году.

В 1947 году Мария Майерова предприняла большое путешествие по нашей стране. Она написала книгу очерков «Десять тысяч километров над Советским Союзом». Это большая взволнованная книга, полная писательских раздумий о гигантском мирном строительстве, идущем в СССР, о советских людях, о великой, неиссякаемой животворной силе социализма. Мудрый писатель, Майерова понимала, что гигантское строительство, которое она наблюдала, путешествуя по нашей стране, не ограничивается новыми фабриками, заводами, электростанциями, городами. Писательница поняла, что строится и «нечто более важное, имеющее общеисторическое значение: новый общественный строй, создающий по мере своего роста уже теперь нового человека, неэгоистичного, трудолюбивого и искушенного,— деятельного, но миролюбивого человека будущего».

Говоря о Марии Майеровой, чехословацкие рабочие частенько употребляют слова: наша Мария. Миллионы советских читателей, искренних друзей писательницы, сегодня, поздравляя ее со славным юбилеем, 75-летием, желая ей доброго здоровья и столь же боевого творчества, говорят: наша Мария.

Б. ПОЛЕВОЙ

НЕДЕЛЯ ПОЭТА КИРСАНОВА

«Семь дней недели» — таково название последней поэмы Семена Кирсанова. Она напечатана в девятой книжке журнала «Новый мир» за 1956 год.

На первый взгляд поэма кажется очень далекой от времени и пространства, философической и фантастической, написанной почти эзоповским языком. В поэме, впрочем, заявляется о том, что «грядет Суббота — День Шестый, день завершенья всех стихий. Все создано: Земля и Свет. Но Человека только нет». Опираясь на поэтический пересказ библейского преданья, можно судить, что автор имеет дело не с первыми днями сотворения мира, не с богом, а с человеком. Учитывая наличие в поэме таких слов, как «министерство», «институт», «предместкома», «блат», «ширпотреб», можно догадаться, что действие поэмы относится к тому времени, когда человек в поте лица своего добывает хлеб наш насущный. Библейский пафос в поэме соседствует с таким тоном и стилем рассказа, кои присущи нашему времени. Мы приходим к выводу, что рассказ относится к нашему веку и местом действия поэмы «Семь дней недели» является Страна Советов.

С большим словом «страна» автор обращается так легко и непринужденно, как будто речь идет о его тетке или теще. Страна и Кирсанов, Кирсанов и страна, она и я, я и она — такие категории то и дело встречаются в кирсановском тексте.

«Ты будешь счастлив, Шар Земной!» — заявляет лирический герой поэмы. Еще бы! Не о каких-то там банальных трубах идет речь — изобретатель построил в институте... механическое сердце. Это сердце может на себя взять все функции живого человеческого сердца, исключая его недуги.

Вот что я создал,
　　　　что открыл.
Я запертую грудь открыл,
и заменил своё
　　　　другим,
и стал не прежним, стал
　　　　другим.

Человеческое сердце отнесено к разряду бывших. Оно стало как бы лишенцем. За что? За то, что оно не было настоящим сердцем в настоящей грудной клетке. Оно жило и действовало по старой, примитивной формуле будочника Мымрецова: тащить и не пущать. Оно подчинялось, по словам поэта, обстоятельствам или злым силам, для которых

Нужны сердца
　　　　покорные,
как замки железные,
несложные,
　　　　удобные,
всё исполнять способные:
Чернить? Чернить!
Ценить? Ценить!
Громить? Громить!
Кормить? Кормить!
Рычать? Рычать!
Молчать? Молчать!
Губить? Губить!
Любить? Любить!

Исканиями нового сердца взамен старого наполнена неделя Семена Кирсанова. Герой или автор мог бы вполне уложиться в этот срок: ведь из ветхого завета известно, что господь бог в семь дней сотворил куда больше, чем наш изобретатель. Но на пути изобретателя к открытию, которое должно осчастливить весь земной шар, встали препятствия и преграды, темные, косные и злые силы. Они олицетворены в символических фигурах. Эти фигуры носят имена: Безразличные, Двуличные, Лжесвидетели. Они «идут большой комиссией с какой-то важной миссией». Какое им дело до человека и человеческого сердца! Они «сердца подходят щупать, как на штаны материю». Они отвергают чудесное открытие. Всемерно тормозит работу товарищ Вторников, влиятельное, значительное лицо в министерстве. Жаловаться на товарища Вторникова — дело бесполезное. Правда, в министерстве есть Комитет Высоких Чувств, есть сектор Неотложных дел, есть даже Отдел Человечности. Но эти секторы и отделы с гуманными вывесками на дверях заполнены службистами такого же сорта, как товарищ Вторников, олицетворяющий собой бюрократизм и волокиту. Бюрократизм, формализм, бездушие разрослись в представлении героя поэмы до таких гигантских размеров, что Страна не в силах побороть эту гидру. Вот уж было Страна, прочитав проект о новом сердце, готова дать свое согласие, «но снова туча среди дня Страну закрыла от меня». Это трагическое событие произошло в субботу. Поэт пишет:

Не туча — это часть лица
Из тех —
　　　　служебного лица,
какие рады от Страны
сердца живые
　　　　отстранить!

Службисты формалисты, чиновники следят за движением часовой стрелки, работают от и до, забыли о коммунистических субботниках, забыли «об Ильиче с тяжелой балкой на плече»... Они, конечно, положили авторское изобретение под сукно.

Но товарищ Вторников украл идею автора, и в воскресенье автор увидел «объявленье на бумаге о выставке сердец в универмаге». Автор увидел, как «повсюду предлагали магазины сердца из жести или из резины, и надувные, с кнопкою пищащей, и набивные с надписью «На счастье». Автор увидел «сердца-флаконы с сладкими духами, сердца-альбомы с гладкими стихами, сердца-копилки, чтобы тратить скупо, сердечки макаронные для супа и рамочки для дамочек умильных, для праздничков и личных и фамильных...»

Таково содержание поэмы «Семь дней недели». Можно было бы махнуть рукой на стихотворца: мели, Емеля, твоя неделя. Рассказывай сказки о механическом сердце! Изображай себя единственным защитником человечности, этаким Симеоном Столпником, несущим на себе тяжкий груз! Жалуйся, что под этим грузом тебе трудно дышится и трудно пишется! Но от поэмы «Семь дней недели» не так легко отмахнуться. Перед нами не романтическая сказка, не символический туман, не поэтическая заумь и ересь, не бесцельное искусство для искусства, не ум, что зашел за разум,— поэма в кривом зеркале представляет советских людей, искажает действительность, клевещет на наше общество.

Ни один день недели не принес автору — герою поэмы — рабочего удовлетворения, не говоря уже о творческой радости. Все дни прошли в тщетном борении его духа, все дни окрашены в серые и черные тона, даже воскресенье не отмечено красным цветом. Есть ли разница между нашими днями и теми днями, которые давно уже канули в Лету? Есть ли разница между нашим героическим временем и «безвременьем» восьмидесятых годов, когда имел хождение мещанский лозунг: наше время — не время великих задач и дел? Выходил в то время журнальчик «Неделя», специализировавшийся на этом лозунге, сеявший скуку, распространявший пессимизм, делавший ставку на Самгиных, на трусливых ужей, на жирных пингвинов. Поэт Кирсанов любит образы, ассоциации, сравнения. Позвольте и нам пойти по пути сравнений и ассоциаций. Чехов в свое время высмеивал нищих духом людей, маловеров, пессимистов. Есть у писателя короткий рассказец «Рыбья любовь». В пруду около генеральской дачи обитал карась в одном экземпляре. Он был влюблен в дачницу Соню. Любовь была безнадежной. Карась от горя сошел с ума. Проходил мимо пруда молодой человек Иван Крысин, что писал стихи и с жадностью печатал их в журналах и газетах. Вздумал поэт выкупаться, полез в пруд, наткнулся на карася: безумный обитатель пруда подплыл к поэту и нежно поцеловал его в спину. Поцелуй имел гибельные последствия: карась заразил поэта пессимизмом. С того времени поэты стали писать мрачные, унылые стихи...

Не чеховский ли карась повлиял на нашего современника, который вместо океана народной жизни предпочел погрузиться в заросший тиной пруд, чтобы извлечь со дна гниль и прель для своей новой поэмы? Поэма эта — шаг назад в творчестве небесталанного советского поэта. Она скроена неладно и сшита кое-как. На мелком месте развел автор свою «глубокую философию». Рифма бедна, примитивна, слог вымучен, нет такого стиха, который запомнился бы читателю. Читаешь про один день, про второй, про пятый, про шестой, читаешь про всю кирсановскую неделю и точно едешь в разбитой телеге по фашиннику, проложенному в болоте...

И. РЯБОВ

АФЭТ

Рассказ

Фахри ЭРДИНЧ

Рисунки А. ЛИВАНОВА.

1

Этот городок, расположенный на берегу Мраморного моря, славится дынями и виноградом. Воздух напоен запахами вина, рыбы, липы. Веселый, красивый городок! От Стамбула на автобусе три часа езды, на пароходе — пять. Здесь довольно бойко торгуют, но жители большей частью ходят понурые, удрученные заботами о хлебе насущном.

Могу познакомить вас с некоторыми местными знаменитостями. Весь городок знает аптекаря. Чернявый, худой, длинный. Кажется, упади он на землю — раздастся звон жести. Бедняки его имя произносят не иначе, как прибавляя: «Пронеси, аллах!»,— и что-то еще бормочут про себя.

Содержатель кофейни Вели тоже составляет славу городка. Старый перс варит чай, густой, как заячья кровь.

А разве можно не упомянуть о Молле, отце восьми детей, хозяине единственного кинотеатра, напоминающего амбар? Он не знает по имени ни одного артиста, кроме Чарли. Но сам — живая афиша. Он обходит все кофейни, рекламируя фильм; собственноручно продает билеты. А перед началом сеанса, приоткрыв дверь, просовывает в зал свою плешивую голову и анонсирует следующую программу. Иногда он садится и смотрит фильм, время от времени громовым голосом давая пояснения зрителям.

Ну, а почтальона Асыма знают даже грудные дети. С тех пор, как он сыграл в Народном доме роль Гамлета, заставив кости бедного датского принца перевернуться в гробу, весь город зовет его Гамлет-Асым. Он обладает общепризнанным талантом подражать плачу младенцев и мяуканью мартовских котов.

Славится наш городок и юродивой нищенкой по прозвищу Тетка. Странная она женщина. Дашь ей мало — не берет, много — тоже. Требует ровно столько, сколько попросила. Привяжет на спину сына, который появился на свет от группы солдат, и ходит-ходит по городу. Ночует она под звездами.

Кто же еще? Ах, да! Славится еще наш городок и девушкой по имени Афэт. Ее отца, муниципального врача, постигла безвременная смерть. Но, правду сказать, сам виноват. Зачем полез в ссору с аптекарем? Ты знай себе врачуй, а он пусть себе аптекарствует! Так нет, аптекарь, мол, настаивает на травах и корнях слабительный раствор, а выдает его за английскую соль. Ну и пусть себе выдает, а тебе-то что? Женщинам, не желающим рожать, он, мол, разные средства из-под полы продает. И продает, а что в том такого? Любую пилюлю называет «пилюлей Байера», всякую дрянь к порошкам подмешивает, утаивает пенициллин, который получает от властей. А разве в этом он один виноват? Спекулянтом, говоришь, заделался? Да ты покажи мне, кто им не заделался, сударь мой! Тебе бы с ним столковаться. А ты захотел вывести его на чистую воду: писал жалобы в отдел здравоохранения и даже в Анкару... Но аптекарь тебя обскакал, и через две недели пришел приказ о ссылке: «Вы переводитесь в Чемишгезек».

Тут жена доктора заупрямилась: не поеду, да и только. Он мог бы и настоять на отъезде, но это сказалось бы на занятиях Афэт: она была студенткой медицинского факультета в Стамбуле. Что оставалось бедняге делать? Взял и уехал один. Но и года не минуло, как пришло известие, что отец Афэт, который на своем веку вылечил от воспаления легких не одну сотню больных, сам умер от этой болезни.

Первым, кто пришел выразить соболезнование семье покойного, был аптекарь. Приняли его холодно. Доктор был не из тех, кто дома болтает о своих делах, но все же дочери его и жене кое-что было известно. Однако аптекарь и ухом не повел. После обычных реверансов наплел с три короба, уверяя в своем благорасположении к семье покойного, обещал на время летних каникул дать Афэт работу в аптеке, а под конец не забыл и выгородить себя. Оказывается, доктора перевели служить на восток не потому, что он повздорил с ним, аптекарем, а просто, мол, очередь подошла

2

Афэт была очень красива. Все в ней было прекрасно. Да стоит ли подыскивать слова, чтобы описать ее? Имя ее говорит само за себя — Афэт[1]. Она была не из тех девушек, что кажутся красивыми потому, что милы сердцу, а из тех, кого любят потому, что они действительно красивы. Многим в городе она нравилась, многие любили и домогались ее. Когда она отправлялась в кино, то большинство зрителей смотрело не на экран, а на Афэт. Так как она была единственной девушкой в городе, принимавшей участие в спектаклях Народного дома, то постановки эти пользовались огромным успехом. Публика ходила смотреть не пьесу, а на Афэт. И потом весь городок по нескольку месяцев смаковал сплетни по ее адресу. Когда Афэт проходила по рынку, начальник финансового отдела, допивавший в кофейне третью чашку чая, хватался за очки, а хозяин, толстяк Вели-ага, который и десяти шагов-то, пожалуй, не мог пробежать, если его не подгонять кнутом, с мальчишеской проворностью подбегал к дверям и принимался оглаживать свои пышные, молодецкие усы. Игроки, сидевшие под чинарой, забывали ставить кости. Парикмахер Ильяс, заглядевшись, намыливал клиенту уши. Рыбак Махмуд застывал с открытым ртом, глаза у него оледеневали и округлялись, как у тунца, что лежал перед ним на ларе. А продавец латука Этем еще громче начинал кричать: «А ну, красота! Кому красота? Вот кочанный латук!»

Если бы вы попытались их пристыдить, то ответ у них всегда был готов: «Глазам ведь не прикажешь! Да и смотреть на красоту — доброе дело!»

По воскресеньям пароходная пристань у нас превращалась в место гулянья. Если туда приходила Афэт, то капитан Ибрагим с парохода «Бартын» приветствовал ее гудком и каждый

[1] [illegible]

раз поднимал якорь со значительным опозданием.

Нельзя, конечно, сказать, что девушка не замечала всеобщего внимания. Но она не гордилась этим, а скорее была напугана. У нее оставалось единственное средство самозащиты — не смотреть по сторонам. Она знала, что иначе каждый ее взгляд будет истолкован как поощрение надежды.

Единственным человеком, на приветствия которого Афэт отвечала по дороге на рынок, был аптекарь. Да и это она делала словно через силу. Аптекарь не уходил с улицы до тех пор, пока Афэт не проходила мимо, даже если в это время в аптеку набивалось хоть сорок клиентов. Этот обмен приветствиями был важнейшим событием в его однообразной жизни, и он чувствовал себя победителем всей этой черни, которая провожала девушку алчными взглядами.

Когда вдали наконец показывалась Афэт, аптекарь моментально складывал свою газету и за десять шагов почтительно поднимался ей навстречу. Его выбритые, обвисшие, как у старого зурниста, щеки начинали нервно подрагивать. Пытаясь придать своей физиономии самое приветливое выражение, он отвешивал чуть ли не поясной поклон, а девушка, не замедляя и не убыстряя шага, отвечала ему микроскопической улыбкой.

— Как поживаете, барышня? Надеюсь, с благословения аллаха, пребываете в добром здравии?

— Благодарю вас.

— А как чувствует себя ваша матушка, ханым-эфенди?

— Хорошо.

— Ах, душа моя, разве можно так забывать друзей своего отца? Почему вы к нам никогда не пожалуете? Супруга постоянно о вас справляется. А когда наша Саджидэ садится за уроки, ей так не хватает вашего присутствия. И в аптеку вы не заглядываете, а ведь обещали летом мне помогать. Было бы неплохо, если бы вы уже сейчас улучив минутку, заходили в аптеку, чтобы скорее войти в курс дела...

Бедняжка терялась.

— Не знаю... Как вам сказать..

— Да и говорить не о чем, дочь моя! Если вы не считаете меня за отца...

— Прошу вас...

— Это я, ваш слуга, покорнейше прошу вас. Я буду ждать... Матушке вашей мое почтенье!..

— Мерси.

Иногда Афэт выходила из дому вместе с матерью. Перед аптекой повторялась та же церемония, произносились те же изысканные вежливости. Когда они удалялись, мать принималась укорять Афэт:

— Слишком уж ты холодно с ним держишься. Нельзя так...

— Только так. Неискренний он человек!

— Это тебе кажется.

— Вовсе нет... Когда они поссорились с отцом, так он при виде нас прятался в аптеку... С чего же это теперь?..

— Это было их дело, Афэт... Ты лучше-ка подумай о нынешнем дне. Мы с тобой теперь одни, две бабы бестолковые. Не думай, что ты сможешь доучиться на те деньги, что оставил твой отец. Через два месяца нам и за квартиру нечем будет платить.

— Ты ведь портниха, шьешь!

— На те пятьдесят курушей [1], что я получаю за каждое ситцевое платье, сыт не будешь!

— Проживем на то, что есть.

— Больно ты умна стала, как я погляжу. А скажи, какой смысл отталкивать протянутую руку? Ведь у нас нет здесь ни одной близкой души. Что плохого, если мы будем изредка заходить к этим людям в гости, если ты станешь давать уроки его дочери, а летом поможешь ему в аптеке? По крайней мере будешь иметь карманные деньги!

— Да чтоб им провалиться!

— Э, не вводи меня в грех на улице. Ночью трусы свои стираешь, чтобы днем надеть, а нос задираешь, точно принцесса. Если так дальше пойдет, не видать тебе диплома, как своих ушей... Ведь у тебя предложений, что песка в море. Снизойди же наконец и постарайся выйти замуж. Я тоже ведь еще не седая старуха... Мне всего сорок... Как знать...

3

Афэт начала работать в аптеке. Аптекарь избавился от необходимости с утра до вечера дремать на скамеечке в ожидании Афэт: теперь они целые дни были вместе, в этих четырех стенах, пропахших йодом и лизолом.

Девушка регистрировала рецепты и торговала готовыми препаратами. Но среди этих препаратов и патентованных средств были не только аспирин, слабительные, детская присыпка, различные кремы, зубные щетки и пасты. В аптеке стали появляться разные типы, а также и офицеры, которые, улучив момент, когда аптекарь выходил и не было других покупателей, наклонялись к уху Афэт и шептали ей названия одного «лекарства». Большинство из них проделывало это лишь для того, чтобы отомстить таким способом аптекарю за то, что он запер девушку в этих сомнительных стенах.

Аптекарь снял с продажи проклятое «лекарство». Они стали отвечать: «Не держим!» — и лишились многих выгодных покупателей. Но аптекаря не оставили в покое. По городу пошли страшные сплетни. Если вечером, закрыв аптеку, он вместе с Афэт проходил по рынку, мелочные торговцы и мальчишки-приказчики издалека кричали:

— Срам!

— И нам бы, папаша!

— Нашел себе новую, бесстыдник!

— Это уже которая по счету?

— Все жуют, а у нас пусть слюнки текут, так, что ли, абла [2]?

Только рыбак Махмуд молчал. Он тоже за словом в карман не полез бы, да что-то странное делалось с парнем при виде Афэт. Колени у него подкашивались, голова падала на грудь, кожа на щеках, обросших щетиной, натягивалась так, что, казалось, под ней можно было пересчитать до скрипа сжатые зубы. Что же это с ним было такое? С чего его так корчило? Уж не был ли он влюблен в Афэт? Какое там! Рыбак-поденщик, сирота, отец его был швартовщиком на пристани,— разве не знал Махмуд своего места?

Не поднимая на Афэт воспаленных от бессонницы глаз, он незаметно оглядывал себя. Вот его босые ступни, прикрывавшие сразу две каменных плитки на мостовой. Ноги обтянуты шароварами с солдатскими заплатками на коленях. На поясе толстая веревка вместо кушака. Рубаха вся в пятнах крови от разделанных тунцов. Заглядываться на чужих девушек, да еще на таких, как Афэт? Только этого ему еще не хватало!

Однажды Махмуд, как всегда, стоял погруженный в свои мысли, потерянный, и вдруг перед ним выросла мать Афэт.

— Почем кило?

— Двадцать пять,— едва выговорил Махмуд.

— Ладно, Махмуд, уступи по двадцать, мы ведь не чужие...

Афэт покраснела, стыдясь за мать: та всегда торговалась до одури. Боясь встретиться глазами с Махмудом, девушка поежилась.

Махмуд молча бросил на весы три куска рыбы. Вышло немного больше, но разве до этого было ему сейчас? Снова снимать куски с чашки, класть довески — этим он никогда не занимался. Завернув рыбу в половину газеты «Улус», он протянул ее матери Афэт и даже не заметил, сколько та ему заплатила и сколько он дал ей сдачи.

Это повторялось каждый раз. «Мы ведь все-таки не чужие!» — говорила женщина, и ее слова задевали Махмуда за сердце, вернее, напоминали ему о покойном докторе.

Доктор! Если бы не он, Махмуд давно бы уже протянул ноги. Как-то весенней ночью, сторожа хозяйский садок с рыбой, Махмуд сильно простыл. Несколько дней он ходил и горел, как в огне. Дрожал, как собака, в рыбацкой лодке, служившей ему домом. Хозяин перестал ему платить. Позаботиться о Махмуде было некому. Здоровенный детина сгорал, просто таял на глазах. Наконец один из приятелей его отца, рыбак Дурсун, по прозвищу Морской окунь, сказал: «Да ты так околеешь, парень! Вставай, я отведу тебя к городскому врачу!» Однако Махмуд подняться уже не мог, и тот взвалил его на закорки. Покойный доктор раздел Махмуда, выслушал, постукал и принялся бранить. Но бранил он совсем не обидно.

— Где же ты был до сих пор?! А? Разве можно ходить с воспалением легких? Возьми этот рецепт, сейчас же ступай домой, тепло-тепло...

— Погоди, отец-эфенди [3],— сказал Окунь.— У него ни дома, ни тепла.

Вот тут-то и задумался доктор! В городской больнице мест — раз, два и обчелся. Ни одной свободной койки. Попробуй-ка выйди из положения!

В тот же день Махмуда уложили в баркас, вытянутый на берег для конопатки, и укрыли всем, что удалось добыть. Доктор сам принес лекарство, сам сделал два укола. Он не оставлял Махмуда своими заботами много дней и действительно заслужил наименование «отец-эфенди». К тому же он не взял с Махмуда ни куруша.

[1] Куруш — [illegible] лиры.

[2] Абла — старшая сестра.

[3] Эфенди — господин.

Его доброта поразила Махмуда, который не видел в жизни ласки, не слышал другого привета, кроме брани. Поступок доктора тронул его: значит, в этом мире обмана не перевелись еще добрые люди!

Встав на ноги, Махмуд на следующий же день отправился к доктору со связкой пескарей. Ему открыла Афэт. Это была их первая встреча.

— Вот! Принес твоему отцу... Пусть кушает за мое здоровье!

Девушка улыбнулась. Махмуду этого было достаточно. Он тоже улыбнулся ей в ответ. На его морщинистом, мужественном лице было написано детское простодушие. Афэт, на мгновение забывшая свой взгляд в его чистых глазах, взяла себя в руки, приняла серьезный вид и вошла в дом, очевидно, посоветоваться с отцом. Через две минуты она вернулась и сунула Махмуду в руку одну лиру.

Это окончательно сразило Махмуда. Такая доброта может вывернуть душу! Потом, когда ему попадались пескари, он не раз хотел было отнести связку доктору, но не решался. Лишь через много месяцев он набрался смелости и снова принес доктору рыбу. Но ему сказали, что тот уехал в Чемишгезек.

Когда в городе стало известно о смерти отца-эфенди, Махмуд в первый раз в жизни взроптал на провидение.

— Удивляюсь я твоему разуму, эй, аллах! — проговорил он. — Таким, как аптекарь, ты даешь жить, позволяешь им ходить по земле в образе человеческом, а у отца-эфенди отнимаешь душу! Тьфу на твою справедливость!

Вот почему Махмуда обуревали теперь такие странные чувства. Он не мог разобраться, что в них было сильнее — благодарность к отцу-эфенди, необъяснимый жар, охватывавший его душу при виде Афэт, унижение оборванца, от которого гнушаются даже принять подарок, или же презрение и ненависть к аптекарю. Короче говоря, положение было безвыходное. Стоило ему задремать, охраняя хозяйский садок, как к нему являлись отец-эфенди, аптекарь, а на зеркале вод ему часто представлялось лицо Афэт. Тогда он оборачивался лицом к Каабе [1] и говорил:

— О мой аллах! Знай, что если ты заберешь мою душу прежде, чем сбросишь с нее этот груз, то на том свете нас рассудит только нож! Я не испугаюсь, если кадием [2] будешь ты сам!

Во всем городе как будто один почтальон Асым понимал печали и мечты, охватившие Махмуда. Он то и дело приставал к нему с одними и теми же словами:

— Кажется, заключили твою сестрицу в клетку! Я гляжу, аптекарь знает свое дело!

Этот пожилой холостяк был в курсе всех городских новостей. Об Афэт он рассуждал с таким компетентным видом, словно был, по меньшей мере, ее управляющим. Он знал все: сколько студентов-медиков в нее влюблено, сколько летчиков за ней увивается, сколько офицеров кавалерии шлет ей письма. Ибо не было письма, которого он не вскрыл бы и, прочитав, снова незаметно не заклеил. Избранные места из этих писем, полных любовных признаний и угроз, он выучил наизусть. Например, один офицер-летчик писал так: «Если ты и теперь не ответишь мне, то я сяду в машину и полечу в неведомом направлении, пока будет работать мотор, чтобы уйти из этого мира!»

[1] Кааба — мусульманский храм в Мекке.
[2] Кадий — духовное лицо, исполняющее обязанности судьи.

Асым не скрывал, что он тоже влюблен в Афэт. Однажды он принес ей пачку писем. Девушка взглянула на то, что лежало сверху, еще в дверях и удивилась:

— А почему это без марки?

— Зачем лишние расходы? — тоном провинившегося ребенка ответил Асым. — Это письмо от меня. Будешь отвечать, тоже не наклеивай марки. Приму и так. А хочешь, можешь ответить устно сейчас!

По словам Асыма, девушка улыбнулась непорочной улыбкой Офелии.

— Ну, что это вы говорите, Асым-бей?! Я рассержусь на вас...

Асым тотчас пал на колени и начал свой монолог:

— Я люблю тебя! Я не Гамлет, я Отелло! Сколько бы в этом городе ни было Яго, всем им бросаю вызов!.. Скажи мне «да», и мы будем счастливы. Не смотри, что у меня жалованье в тридцать восемь лир. Я столько получаю на чай, что мы будем жить, как в раю. Лишь бы...

Когда девушка повернулась к нему спиной, он произнес лишь одно слово:

— Занавес!

И дверь захлопнулась перед его носом.

4

Фонтан, где женщины всего квартала брали воду, находился прямо против дома, в котором я снимал комнату.

Каждое утро я видел из окна одну и ту же картину. Сначала раздавался кашель лавочника. Обычно он делал вид, что не замечает столпившихся у фонтана женщин — в том числе и свою жену, — и, проговорив «О аллах!», проходил мимо. Через две минуты утреннюю тишину разрывал визгливый скрип железных ставен. Тогда жена лавочника с безропотной покорностью обращала свои взоры к небу и бормотала:

— Господи, воздаи нам от благостей твоих!

И тут же она принималась рекламировать товары, которые ее муж привозил из Стамбула.

— А мой-то мыло привез. Прямо розой пахнет! И какое крепкое! Я вчера перестирала целый ворох белья, так даже надпись не смылилась на куске!

Пока она продолжала чесать языком, с мельницы, расположенной в другом конце города, возвращались рабочие. С полбуханкой черного хлеба под мышкой проходил месильщик теста Исмаил. Глаза его были воспалены: всю ночь он воевал с квашней. На площади появлялся муниципальный метельщик Иззет с метлой и лейкой на длинной ручке.

Потом раздавался знакомый голос:

— Молоко!

Я подбегал к дверям, держа в руках кружку на четверть литра.

Немного погодя показывалась Афэт, неся на руке белый, как снег, халат и отутюженный батистовый передник, которые она надевала в аптеке. Если я в это время стоял в дверях, она не обделяла меня приветом. Афэт знала, что я учитель. С ней мы были знакомы по спектаклям Народного дома. Она часто брала у меня книги.

Как-то раз она сказала, что хочет прочесть «Гризеллу» и «Узкие ворота».

— Вам еще не надоели романтики? — спросил я.

Девушка надула губы.

— Лишь бы был роман...

— Вам так нравятся романы?

— Очень. Вернее, люди из романов. У них меньше пороков, чем у тех, что нас окружают.

— Вы не правы. Не сердитесь так на людей... А что, если пороки в самом романе?

Афэт промолчала.

На следующий день я послал ей книгу Горького. С тех пор она не оставляла меня в покое: «Еще! Еще какую-нибудь книгу... Горького!»

Однажды мы вместе вышли из Народного дома и пошли по рынку.

— Взгляните направо, на этого рыбака! — сказала мне Афэт. — Разве он не похож на одного из героев горьковской пьесы «На дне»?

Я повернул голову и встретился с остановившимся взглядом Махмуда.

— Правда, похож. Но почему он так странно смотрит?

Афэт слегка покраснела и переменила тему.

Но женщины, толпившиеся по утрам у фонтана, знали все. Увидев однажды, как мы с Афэт поздоровались, они перемигнулись. Не успел я войти в комнату и усесться за завтрак, как на площади пошли пересуды:

— Вот позорище!

— Она и рыбака Махмуда разума лишила!

— На их доме не хватает только красного фонаря!

— Слыхали? Недавно она снова показывалась на сцене в Народном доме. Невестка скототорговца сама видела и божилась, что не врет. По пьесе наш учитель был дядей этой потаскухи. Так она возьми и сядь к нему на колени!

— А-а-а-а!

— Чтоб таким девкам на сковородах гореть после смерти!

— А фасон, фасон-то какой! Словно она пуп земли...

— На что она рассчитывает?

— На своих любовников!

— На аптекаря своего!

— И мать ее совсем дура... Дала бы дочери по шее, выдала за одного из офицеров — и дело с концом.

— Мать сама не лучше дочери... Представься ей случай, так и она не прочь попутаться с офицерами.

— Что правда, то правда... Да и кто в наше время лучше офицера?

— Брось ты, ради аллаха! Нечего их расхваливать... Жалованье тощее, а остальное — один форс!

— Не скажи. Офицер, мертвый или живой, — это всегда деньги! К тому же и денщик к твоим услугам. Гнуть спину не придется. А, кроме жалованья, паек какой! И бесплатный! Хлеб — первый сорт, продуктов — сколько захочешь. Каждый год по комплекту шерстяной одежды, уголь, дрова — все даром.

— Как бы там ни было, я бы за офицера свою дочь не отдала!

— Почему?

— Душа моя, да кто же, выйдя за офицера, состарился на одной подушке? Летчик улетит и не вернется. Разбился, а там поминай, как звали. И моряки все тонут и тонут...

В одно воскресное утро у фонтана снова заварилась свара. В этот раз предметом сплетен был аптекарь. То, что рассказывали женщины, было ужасно. Бесплодная жена лавочника утверждала, что Афэт в аптеке больше работать не будет. Говорили, что вечером аптекарь продержал ее у себя допоздна. Девушке стало плохо. Он втащил ее к себе в лабораторию, дал какое-то лекарство. А потом (тут рассказчица понизила голос)... Когда Афэт пришла в себя, смотрит... (Голоса женщин совсем перешли на шепот. Глаза у них стали круглыми, как плошки, и они от удивления закрыли рты руками.)

— Неужто правда?

— Верь мне, нет дыма без огня!

— Но это же подлость!

— Грех на его шее. Сделал, однако!

— Ну и ну! Недаром говорят: чем играешь, тем и ушибаешься. Нечего было людям головы кружить, сама виновата.

В этот раз сплетня задела меня за живое и отравила весь день. Едва я дождался понедельника, встал пораньше, чтобы увидеть, пройдет Афэт или нет. Она не прошла.

Под вечер я отправился в Народный дом. То и дело поглядывал я на улицу, надеясь увидеть Афэт. Мне повезло. Вскоре она показалась с книгой под мышкой. Мы поздоровались в коридоре.

— Как поживаете? — спросил я.

Девушка ничего не ответила и, опустив голову, хотела было пройти мимо. Но я удержал ее.

— Могу я с вами поговорить?

На миг я ощутил на своем лице ее испуганный, как у дикой козы, взгляд. Потом она снова отвернулась, уставилась в одну точку и проговорила:

— Я и сама этого хотела. Догадываюсь, о чем вы хотите меня спросить. Но...

— Что? Говорите же, говорите!

— Боюсь.

Только через некоторое время я заметил, что у меня стал очень странный и неестественный вид. Чтобы не привлекать внимания, я отвел ее в зал, к подоконнику.

— Чего вы боитесь?

— Как знать... Боюсь, что и вы окажетесь похожим на других, станете признаваться мне в любви.

— Вот как?! Что еще?.. А кто же эти другие?

— Все!

Она отчеканила это слово и продолжала с таким видом, точно ей давно уже хотелось поделиться с кем-нибудь своими горестями:

— Все знакомые и незнакомые. Посмотришь: серьезный, взрослый, воспитанный человек... Две — три обычные вежливые фразы, и он при первом же удобном случае, при первой возможности с головокружительной быстротой превращается в наглеца. Скажите, неужели приставать к девушке, подталкивать ее локтями на улице, незаметно щипать в толпе — это геройство?

— Нет, конечно. Люди, ни[illegible]духом, аморальные...

— Какие мы несчастные! Сказать вам прямо, меня тошнит: на [illegible]е среди мужчин, я должна все время думать о том, как и куда мне взглянуть, взвешивать каждое слово, следить за подолом платья, беспрестанно ощупывать пуговицы на кофточке: не расстегнулись ли. Это убивает веру в добрые намерения людей!

Афэт нервно сжала в тонких пальцах крохотный, как ли[illegible]чек и печально добавила:

— Но я не жалею, что родилась девушкой! Меня возмущает только такая жизнь, которая превращает нас в предмет. Кажется, будто на меня нацепили невидимую вывеску: «Внимание! Сдается внаем!» И все руки, которые тянутся к женщине, нечистые, грубые, как те, что ломают цветы. Все хотят обломать, сбить с ног, запачкать. Толкают в грязь, а потом говорят: «Грязная». Вы меня извините, говорят просто: «Шлюха». Попробуй-ка сохрани себя, если можешь, не упади, не запачкайся!

Она помолчала. Потом в углах ее ненакрашенных, но, как назло, ярко-алых губ появилась горькая усмешка.

— Оказывается, так трудно жить без отца!.. Словно я собака без хозяина: каждый может кинуть в меня камень. Своих сил мне не хватает. Нужно что-то другое. Поддержка, опора...

— Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить. Только, знаете, мне трудно говорить вам «вы». Разрешите, мы отбросим эту пустую форму вежливости... Ты очень одинока, замкнута, мрачно смотришь на жизнь. Я бы даже сказал: пассивна.

— Вы правы! Я только тоскую, хочу, томлюсь. Но искать, создавать не могу. Как будто что-то сгорело во мне...

— Нет! В тебе еще ничего и не горело. У тебя нет огня, нет любви, нет цели, ветви, за которую можно ухватиться...

— А если каждая ветка, за которую я берусь, ломается? — грустно перебила меня Афэт.— Ведь стоит кому-либо довериться, как сразу же приходится раскаиваться. Примеров сколько хотите. Что мне от вас скрывать, был у нас на факультете один человек, которого я считала верным товарищем. Когда умер отец, он подошел, чтобы утешить меня. Но, поверите ли, не прошло и двух минут, как он полез целоваться... А капитан «Бартына»? Както во время ночного рейса он пригласил меня в свою каюту. Так человек настаивал, так настаивал... Ну, я и согласилась. Начал он с того, что мой отец был его личным другом. Угостил меня ликером. Потом ни с того, ни с сего рассказал скабрезный анекдот и вдруг озверел. Я закричала. С трудом на палубу вырвалась...

Глаза Афэт наполнились слезами. Желая успокоить ее, я невольно взял было ее за руку, но, вспомнив студента-медика, тотчас отдернул пальцы.

— И это еще не все,— продолжала Афэт.— Капитан рассказал об этом аптекарю да еще приврал, конечно. Аптекарь часто намекал мне на этот случай. Я, конечно, понимала, что он имеет в виду, но не могла ответить негодяю так, как он этого заслуживал. Проклятая нужда, несколько лир, которые он должен был мне заплатить, да эгоизм моей матери заткнули мне рот. Наконец... Впрочем, вы уже, наверное, об этом слышали... Теперь я оплевана на всю жизнь...

— Значит, это правда?

Афэт расплакалась.

— Почему же вы не подадите на него в суд?

— Боюсь... все равно ничего не добьюсь. И судья и прокурор у него в руках. А уж из книг-то я знаю: ворон ворону глаз не выклюет. Не лучше ли...

— Что?

— Лучше уж сделать, как я решила. Настанет только сентябрь, и я навсегда уеду отсюда. Горько, правда, навсегда покинуть город, где ты родилась и выросла. Горько! Представьте себе только, ведь здесь прошло все мое детство. Может, вот на этом песке есть еще следы от моих ног. Потом..

— Хватит, Афэт. Скажи лучше, ты этому тоже научилась из книг?

Она молчала.

— Я спрашиваю: неужели книги научили тебя только спасаться бегством?

— Простите,— проговорила девушка.— Мне очень нехорошо. — И, расставаясь со мной, добавила: — Легко сказать: борись!

У меня дрогнуло сердце. Глядя ей вслед, я подумал: «Ее нужно спасти, она того действительно заслуживает. Афэт может приносить счастье».

5

Я не видел ее много дней. Сплетни не утихали. По утрам, собираясь у фонтана, женщины пережевывали одно и то же. Но как-то раз они прервали болтовню на самом интересном месте. Я подумал, что они заметили меня у окна. Но ошибся. Приложив ладони к глазам, они стали смотреть в небо. До меня долетел гул самолета.

Самолеты часто летали над нашим городком. В этом не было ничего необычайного. Даже уличные мальчишки разбирались в марках самолетов.

Сейчас над городком летал истребитель «Харрикейн». Казалось, пилот сошел с ума. Сначала он удалился в сторону Балкан, потом вернулся, снизился кругами и наконец пролетел так низко над улицей, точно хотел сорвать с кого-то шапку. Стекла задребезжали, как при землетрясении.

Я тоже выскочил на улицу. В том, как он летал, было что-то странное. «Харрикейн» ушел в сторону моря. Затем неожиданно повернул налево и направился прямо на наш квартал. Он несся очертя голову. Рев все нарастал, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки.

— Падает! — завопили женщины.

Я не успел повернуть головы, как самолет врезался в дома.

— Упал!!!

Над крышами показались клубы дыма. Все бросились туда.

Двухэтажный дом на углу был весь окутан дымом. Самолета не было видно. Вскоре дом оцепили полицейские и жандармы. Никого туда не пускали. Ждали пожарных.

Вдруг какая-то женщина прорвала оцепление и побежала к дому. Полицейские с трудом остановили ее.

— Пустите! Это мой дом!

Я глянул на нее — жена лавочника! Она была растрепана, глаза вылезли из орбит. Соседи окружили ее, пытаясь успокоить.

— Кто-нибудь был в доме? Где твой муж?

— Его нет, с утра ушел на виноградник,— проговорила женщина и снова принялась кричать: — Ой, соседушки, осталась я без крыши над головой! Горим!

Подоспели пожарные. Они расстелили шланги, перелезли через заборы, вскарабкались на соседние крыши.

Никто не знал, что и придумать, кого жалеть. Все были напуганы и потрясены. У всех на устах были одни и те же вопросы, одни и те же догадки.

— Мотор у него испортился, что ли? А может, бензина не хватило?

— Не похоже! Когда он срезал этот тополь, как травинку, мотор у него ревел, как бык!

— Жалко машину! На народные деньги построена!

— Не самолет, а летчика жалко! Его на рынке не купишь. Знаешь, сколько надо на летчика учиться?

— И то правда...

— А летчик кто?

— Неизвестно.

— Где же самолет?

— Его не видать. Говорят, он пробил дом до самого подвала.

Раздался треск, словно лопались на сковородке кукурузные зерна. Когда пожарники развалили фасад дома, взрывы загрохотали громче.

— Бегите! Рвутся боеприпасы!

Теперь уже почти весь квартал окутался дымом, в воздухе запахло горелым сахаром

кофе, мылом. Очевидно, в подвале загорелись товары лавочника.

Через два часа с аэродрома на машинах и в полосатом автобусе, похожем на черепаху, приехали офицеры и солдаты.

Солдаты под руководством майора тотчас взялись за дело и быстро овладели положением. Спасательные работы пошли полным ходом. Через полчаса дом был сравнен с землей. По улицам понесли куски самолета.

Народ засыпал офицеров градом вопросов. Из их отрывочных ответов выходило, что все предварительные догадки не имели под собой никакой почвы. Оказывается, пилот, унтер-офицер, был влюблен. С утра он вылакал в полковом казино пол-литра водки и, воспользовавшись тем, что был дежурным, вывел машину из ангара и полетел сюда. Таким образом, это был не несчастный случай, а настоящее самоубийство.

И вот тогда по городу, словно ком снега, покатились совершенно беспочвенные слухи. Унтер-офицер, мол, снизившись над кварталом, бросил письмо, адресованное Афэт. В этом письме, которое упало на улицу и пошло по рукам, якобы говорилось: «Теперь я никому не нужен. Если бы ты дала мне хоть капельку надежды, все можно было бы еще поправить. Но что поделать... Прощай!» Говорили также, что он хотел сделать своей могилой дом Афэт, но так как выпил лишнего, то прозевал момент и угодил в дом лавочника, стоявший чуть поближе.

К третьему намазу[1] из подвала вытащили обуглившееся тело летчика. По кускам его запихнули в мешок для белья и унесли

Через три дня мы прочли в одной из стамбульских газет: «Вчера состоялось погребение останков одного из наших героев-летчиков!»

[1] Намаз — молитва мусульман, совершается пять раз в сутки. Третий намаз совершается в час, разделяющий время между полуднем и закатом солнца на две равные части.

А наша квартальная «газета» больше не выходила, ибо жена лавочника слегла в постель. Несколько дней не показывался и ее муж. Не стало слышно по утрам визгливого скрипа железных ставен.

6

Не успело еще утихнуть волнение, как город облетела еще одна новость: убили аптекаря!

Услышав об этом, каждый, чтобы не издать громкого крика радости, подносил к губам руку и, вытаращив глаза, спрашивал:

— Какой же усатый джигит убил его?

У Махмуда еще не было усов. Но это сделал он. Говорили, что он вошел в аптеку среди бела дня, когда там было несколько покупателей, сгреб аптекаря за ворот и спросил:

— Это правда? Отвечай, старый козел!

Аптекарь едва не проглотил от страха язык.

— Что... о чем ты говоришь?

— Отвечай, как на страшном суде! Это правда? Это ты выжил отца-эфенди из города? Это ты обесчестил его дочь? Говори!

Аптекарь не успел ответить. Махмуд выхватил нож и, желая бить наверняка, вонзил его аптекарю в левую сторону груди.

О том, что было дальше, рассказывали по-разному. Говорили, что Махмуду не удалось вытащить нож. И поэтому он не смог сделать ни шагу, когда выскочил на улицу, собираясь бежать: кровь держала его. Если бы хоть капля крови попала Махмуду на лицо, то он, мол, спокойно бы убежал. Однако, как бы там ни было, Махмуд явился в участок, помещавшийся в шагах в ста от аптеки, и сдался властям.

Аптекарь между тем оказался живучим. Нож соскользнул по ребру, и смерть миновала его. Рана, правда, была опасной. В тот же день аптекаря отправили в Стамбул...

7

Как только жена лавочника поднялась с постели, она в первое же утро вылила на Афэт весь накопившийся в ее душе яд.

— Берегите своих мужчин, соседки-и-и-и! Эта потаскуха погубила еще двоих. Аптекаря мне не жаль... Когда бы я мимо ни проходила, он всегда глядел на меня с насмешкой, чтоб его глазам землею насытиться... Но рыбак зря погубил свою молодость. Смирный был, как ягнечочек, да эта уличная девка сбила его с пути. Один аллах знает, как она улыбалась, как глазки ему строила, чтобы лишить разума и науськать на аптекаря...

Не переводя дыхания, она высказала предположение, что Махмуду, который сидел теперь в тюрьме, дадут не меньше восемнадцати лет. Но когда стало известно, что аптекарь не умер, а пошел на поправку, она снизила Махмуду меру наказания до двенадцати лет.

Все я узнал от этих женщин: что сейчас идет следствие, что Афэт тоже вызвали для дачи показаний, что суд состоится примерно через месяц. Об этом говорили не только у нашего фонтана. Почти в каждом кабачке, на каждом углу и особенно в кофейне у перса Вели, куда ходили городские чиновники, эти события стали главной темой обсуждений.

Все эти дни я никак не мог увидеться с Афэт. И это мучило меня: ведь именно сейчас она так нуждалась в сочувствии. Может быть, она сама ищет поддержки, верит в мою дружбу, но, решив, что я избегаю ее, тоже сочтет меня обломавшейся веткой. Может быть, на днях она уедет, как решила, и я больше не увижу ее.

Вскоре я услыхал, что Афэт уехала в Стамбул. Стоял еще только конец июля, и смысл ее поспешного отъезда не вызывал сомнений.

Может быть, и без всяких к тому оснований, но мне казалось, что я тоже предал ее или, по меньшей мере, бросил на полпути

Но она сама избавила меня от угрызений совести. Наступил август. Мне сказали, что она приехала, но я не поверил, пока не увидел ее своими глазами. Как-то под вечер я встретил ее на приморской дороге. Я едва узнал ее так она исхудала. Одета она была просто. Но мне показалось странным, что на ней было платье из красного ситца. Волосы, собранные на затылке, перехватывала маленькая ленточка.

Когда мы пожимали друг другу руки, я сказал

— А я уже думал, что вы не вернетесь!

— Как видите, я здесь. И никуда больше не уеду.

Когда она говорила это, не только в движениях, но и во всем ее тоне сквозили спокойствие и уверенность.

Мы присели на скамью. Море перед нами было тихое, гладкое. Справа вдоль берега тянулось шоссе, уходившее по направлению к кавалерийским казармам и терявшееся вдали. На окраине городка, на высоком холме у дороги, угрюмо вздымалось здание тюрьмы. То и дело поглядывая в сторону тюрьмы Афэт рассказала мне, зачем она ездила в Стамбул. Там она переговорила, оказывается, с опытным адвокатом, который приходился ей дальним родственником. Они обязательно постараются спасти Махмуда.

Я заметил, что когда она произносила это имя, ее голос звучал так, словно она вспоминала о брате или возлюбленном, с которым была в разлуке.

Затем она возвратилась к прошлому и рассказала мне о Махмуде все, чего я не знал. Во время допроса ее спрашивали об их отношениях. Афэт рассказала все, как было. Она оправдывала Махмуда и обвиняла аптекаря. О будущем она говорила так, словно это были не годы, а месяцы или дни.

— Они не смеют гноить там Махмуда! — наконец сказала она. — Да, ему не удалось убить аптекаря, но он воскресил меня. Я буду ему опорой, потому что в нем я впервые увидела настоящего человека, честного человека, первого моего друга. Теперь я уже не пассивна, не одинока, у меня есть цель, есть ветка...

— А огонь? — спросил я. — Есть в тебе теперь огонь?

— Да, вы были правы. Во мне ничто не угасло... Все еще только начинается...

Она нежно улыбнулась, прикрыла глаза и проговорила, словно грезила наяву:

— Вчера он прислал мне весточку из тюрьмы. Такого я в книгах не читала. «Если есть в тебе хоть капля жалости, — пишет он, — надень красное платье и под вечер выйди на берег. Этого мне будет достаточно». Он будет смотреть из-за решеток...

Мы помолчали. Солнце склонялось к горизонту. Афэт поднялась.

— Прощайте!

— Счастливо, Афэт!

Она медленно вышла на шоссе и пошла по направлению к казармам Я провожал ее взглядом до тех пор, пока она не стала маленьким красным платочком. Тогда я отвернулся, доверив ее глазам, следившим за нею из-за железных прутьев решетки.

Перевел с турецкого
Р. ФИШ.

Рисунки Пушкина

I

Крупнейшие немецкие филологи братья Якоб и Вильгельм Гримм известны широкому читателю главным образом своими сказками. Это знаменитое собрание немецких народных сказок, изданное братьями Гримм в 1812 году, переведено на языки многих стран. Пушкин читал книгу во французском переводе (немецким языком он владел не свободно). Издание это, 1830 года, сохранилось в личной библиотеке поэта.

В одном из рисунков Пушкина, изображающем две мужские головы, нам удалось узнать портреты Якоба и Вильгельма Гримм.

Рисунок сделан среди черновых текстов, датируемых летом 1833 года — того самого года, когда Пушкин задумал свои сказки и написал две из них осенью в Болдине.

[illegible]

II

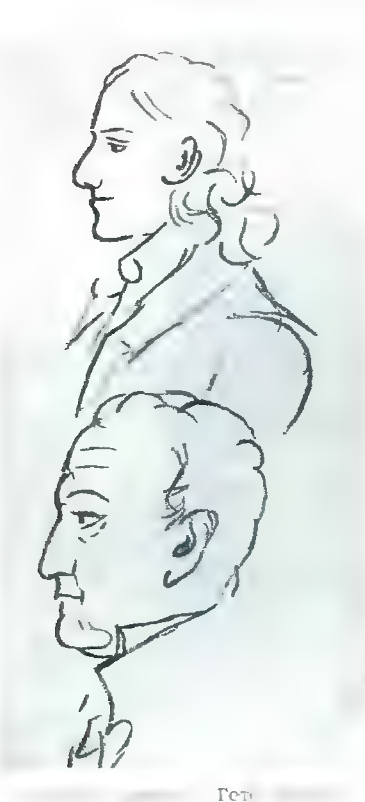
Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью.

Эти поэтические слова лучше всего передают живое участие Пушкина к любому поэту — своей ли страны или чужой.

Одних этих пушкинских стихов уже было бы достаточно для объяснения, почему поэт нарисовал портреты Шиллера и Гете. Однако есть и другие свидетельства интереса Пушкина к великим поэтам германского народа.

Призывая Кюхельбекера к себе, в михайловское заточение, Пушкин обещает другу:

Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Гете

Пушкин интересуется и драматургией немецкого поэта, просит брата прислать ему в его вынужденное уединение пьесы Шиллера.

В отрывке одного из писем Пушкина, перехваченных полицией и сохранившихся в архиве III отделения, есть такие строки: «...читая Шекспира и Библию, святый дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира». Это откровенное предпочтение мировых писателей книге, на которой основывалась религия, сыграло свою роль в судьбе Пушкина.

«Великий Гете», «наш Германский Патриарх», «бессмертные произведения Гете» — вот то высочайшее признание, которое выражал по отношению к немецкому поэту Пушкин в своих письмах.

Рисунки Пушкина 1829 года — портреты Шиллера и Гете — воспроизводятся впервые. Они нарисованы в альбоме восемнадцатилетней московской талантливой певицы Елизаветы Николаевны Ушаковой. Это ей писал поэт дружеские строки:

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ

ГЕРОИ НАШЕ

Л. КЕРБЕЛЬ

Тысячелетиями искусство обслуживало людей, которые сами ничего не создавали. Безвестные египетские мастера воплощали в мраморе черты своих жестоких властителей — фараонов; великий живописец и труженик Антуан Ватто всю жизнь рисовал томных бездельников, утонченных и бесполезных обитателей острова Циреры; замечательные русские мастера Левицкий, Рокотов, Шубин во многом приносили свой талант в жертву придворному чванству и вельможной глупости. Горестный список создателей художественных ценностей, мастеров, пребывавших в положении слуг двух господ — капитала и неправой власти, — составил бы многие и многие томы.

Великая Октябрьская социалистическая революция взорвала этот тысячелетиями установившийся чудовищный порядок. На одной шестой части света народ — созидатель, творец, труженик — освободил себя и освободил свое искусство. Настоящий, подлинный герой искусства социализма — человек труда — прочно и уверенно занял свое место в живописи, скульптуре, графике.

Конечно, у советских художников были в этом отношении великие предшественники как в русском, так и в зарубежном искусстве. Русские передвижники, Касаткин, бельгиец Менье, немецкий живописец Менцель изображали и воспевали труд, искали красоту в целеустремленном [illegible] мускульном усилии, в самой атмосфере производства. Однако подневольный труд в капиталистическом обществе не давал художникам достаточно материала для героических образов, полных гордого сознания своей общественной ценности.

Советское искусство, в частности наша скульптура, показывает совершенно новый тип рабочего и крестьянина, тип свободного труженика, хозяина своей судьбы. Москвичи хорошо знают барельеф М. Г. Манизера «Освобожденный труд», расположенный у входа в Петровский пассаж. Это полусогнутая фигура рабочего, подперевшего рукой подбородок, сосредоточенно и упорно размышляющего. Несмотря на некоторую сухость исполнения, это настоящий, совсем не поверхностный образ пролетария. Следует заметить, что барельеф буквально обезображен многократной окраской и его необходимо безотлагательно реставрировать.

Уже в первые годы революции И. Д. Шадр создал монументальные образы рабочего и крестьянина, широко известные по изображениям на почтовых марках и деньгах.

Знаменитая работа И. Д. Шадра «Булыжник — оружие пролетариата» явилась воплощением еще стихийного, но могучего, непреоборимого революционного порыва русского пр[illegible]

[illegible]торый неизбежно сметает все препятствия на своем пути.

В тридцатые годы появляются работы Н. В. Томского, посвященные теме труда, его портреты рабочих, затем «Тяжелая индустрия» Л. В. Шервуда. Но высшей точкой, подлинно классическим синтезом творческих исканий в этом направлении явилась прекрасная группа Веры Игнатьевны Мухиной «Рабочий и колхозница». Это настоящие герои нашего времени, высокий символ динамики, постоянного стремления вперед. Я думаю, что великолепный памятник Мухиной своим безупречным пластическим решением дает совершенно уничтожающий ответ на унылые рассуждения иных скептиков о том, что, дескать, хорошо было древним грекам: одевались тогда в хитоны и туники, а то и вовсе не одевались, все было пластично и само просилось в мрамор. А сейчас пиджаки, да брюки, да ботинки со шнурками, какая уж тут пластика! Мухина доказала, что дело не в одежде и не в прическе, что художник может и должен искать и находить пластику в облике человека современного, а не горевать о безвозвратно ушедших временах античности.

Мастерами старшего [illegible] сделано много [illegible] и интересного. Но весь общество наше изменяется, меняются и средства, которыми искусство пользуется. И нам, сравнительно молодым художникам, приходится решать новые задачи — искать новые пластические, выразительные возможности. Вспоминается в связи с этим любопытный эпизод. Летом прошлого года мне пришлось побывать в Австрии. Когда мы приехали в Вену, то с вокзала в [illegible]тиницу решили идти пешком, так [illegible]

Л. Е. Кербель

...ГО ВРЕМЕНИ

Н. В. Томский. [illegible] РАБОЧИЙ.

[illegible]еть город. На одной из улиц мостовая была разворочена, и в узкой, глубокой канаве работали [illegible]ое парней, очевидно, раскапывали телефонный кабель или что-то в этом роде. Было жарко, парни скинули рубашки и так, полуголые, ловко и сосредоточенно орудовали лопатами. Мы как-то все разом увидели их бронзовые, блестевшие на солнце фигуры.

Действительно, это было очень красиво. Особенно поразил нас один из землекопов: мускулатура его великолепно развитого торса играла под кожей. Весь он был насторожен, собран, подтянут, и в то же время движения его были непринужденны и естественны. [illegible]у просто готовая скульптурная композиция, ясная, динамичная, выразительная!

Но потом, когда я стал разбираться в своих впечатлениях, я подумал: разве не становится достоянием прошлого представление о труде рабочего как о простом мускульном усилии? Разве в наш век механизации и автоматики землекоп с киркой и лопатой — это не досадный анахронизм? Ведь сегодняшний рабочий уже совсем не такой, каким изображал его в своих скульптурах и картинах Менье, и не такой даже, каким является он нам в произведениях Шадра. Советский рабочий, рабочий сорокового года Октябрьской революции, — это человек, имеющий дело со сложнейшими и точнейшими механизмами, человек, живущий полной и напряженной интеллектуальной жизнью, конструктор, организатор производства. И, конечно, для создания [illegible] образа советского рабочего прежнего арсенала художественных средств явно не[illegible].

[illegible] в своих исканиях почти [illegible] шел по пути [illegible].

Портрет, в том числе и скульптурный, как мне кажется, — область изобразительного искусства, которой доступна передача самых сложных человеческих переживаний, любых оттенков характера, биографии и т. д. Поэтому, например, работая над скульптурной серией «Мои земляки», я и остановился именно на портретных решениях.

Вообще говоря, проблема взаимосвязи «героя» и его «работы» — одна из самых сложных проблем не только изобразительного искусства, но и литературы, и театра, и кино. Хотя я и убежден в том, что пластическая красота заключается во всем, что нас окружает, но сам, признаться, нередко мучился, когда приходилось лепить из глины или даже рубить в мраморе... отбойный молоток, или гаечный ключ, или какое-нибудь сельскохозяйственное орудие. Однако от этого не уйдешь, если мы хотим изображать не отвлеченные, абстрактные пластические вариации, а конкретных людей в конкретной обстановке. Тут скорее всего необходимо очень развитое чувство меры, которого, мне кажется, часто нам не хватает. Кстати, эта «нехватка» заметна во многих скульптурах на темы военные, в том числе и в портретах наших полководцев. Детали обмундирования, тщательно и иллюзорно выполненные знаки различия в этих портретах нередко заслоняют самое существо дела, основную, если не единственную задачу скульптора-портретиста: четкую и острую психологическую характеристику. Так же и с темами производственными, трудовыми: очень важно, чтобы аксессуары труда, производства не заслоняли психологическое, образ скульптурного изображения.

Здесь нужен особенно тщательный, строгий, скупой отбор деталей обстановки, потому что [illegible] пластическая основа ваяния — это человеческое тело, его движения, его красота и выразительность.

Скульптура — искусство монументальное, героическое. Самый материал — бронза, камень, мрамор — как бы направляет замысел художника в русло тем больших, монументальных, если хотите, вечных. А что может быть более вечным, более монументальным, чем тема труда, тема созидания!

Когда задумываешься о своей профессии скульптора, то невольно приходит в голову мысль о великой ответственности, которую не может не чувствовать каждый взявший в руки резец. Право, может, это покажется смешным и [illegible], но, думается, мы оставляем [illegible]шим потомкам мраморные и бронзовые документы, долговечные, даже независимо от степени нашего таланта и люб[illegible] [illegible] делу. И хочется, чтобы эти документы были правдивы до конца, [illegible] были [illegible] [illegible] т[illegible].

В. Н. Соколов. ТРУДОВАЯ ПОБЕДА.

[illegible]

ТЕАТРАЛЬНАЯ КАЛУГА

Л. ЖУКОВА

Преображается старая Калуга — город неизвестного Европе чисто русского «деревянного классицизма». Бережно храня старину — строгий ансамбль «присутственных мест» и чудесные ампирные домики окраины,— город строится, растет. В центре сегодняшней Калуги с ее новыми домами, троллейбусами, асфальтированными магистралями к сорокалетию Советской власти возводится великолепное здание театра. Восемь колонн его фронтона говорят о верности архитектурным традициям города; зрительный зал на восемьсот мест, сцена, закулисная часть — здесь новейшая техника, здесь все подчинено заботе о зрителях и тех, кто создает спектакль.

Калуга всегда была театральным городом. Дореволюционная история калужского театра — это целая летопись русской театральной жизни с ее удивительными творческими взлетами, гениальными актерами и убогим бытом «несчастливцевых», с ее борьбой за высокую правду искусства и невольной данью рутине. На протяжении чуть ли не двух столетий на калужской сцене создавались образы, значение которых выходило далеко за пределы города. В тусклом свете убогих ламп здесь страдал, боролся и умирал Гамлет — П. Мочалов, на калужских подмостках начинала выдающаяся представительница русского сценического реализма М. Савина, калужане были свидетелями гениальной игры Щепкина. Здесь играли О. Садовская, Г. Федотова, П. Орленев. «Театр, обладающий таким долгим и соответственно богатым прошлым, должен доказать свою жизнеспособность тем, чтобы в наступившую великую эпоху социалистической жизни нашей страны постараться занять место в самом первом ряду наших провинциальных театральных учреждений». С этими словами тридцать лет назад обратился к калужанам, отмечавшим тогда стопятидесятилетие своего театра, нарком просвещения А. В. Луначарский.

Сегодня на афише калужского театра «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Униженные и оскорбленные» по Ф. Достоевскому, «Король Лир» В Шекспира. Разве не говорит это о серьезности творческих задач театра, о «жизнеспособности» его коллектива? Настойчиво и увлеченно утверждает театр свое пристрастие к большой, значительной теме, к произведениям «крупного плана». Примечательно, что и калужские зрители наиболее охотно посещают именно такие спектакли. Легковесные «боевики» здесь не в чести.

На спектакле «Оптимистическая трагедия» зритель с горячей симпатией встречает «ведущих» — матросов гражданской войны, с таким пристальным, таким глубоким вниманием вглядывающихся в «коммунистическое далеко» — в лица сидящих в зале советских людей. Вот она, живая связь времен. Молодые актеры Э. Корсаков и А. Хряков хорошо чувствуют широту обобщения пьесы, ее обжигающую романтику.

Общей атмосферой спектакля захвачены не только исполнители главных ролей, но и участники эпизодов и массовых сцен. Достаточно вспомнить точный и скупой рисунок роли Старой женщины, сделанный народной артисткой РСФСР В Никитиной. Исподлобья, угрюмо смотрит старуха на матросов, маленькая, такая беспомощная... А затем разоблачение ее невольной лжи. Постановщик спектакля Д. Любарский все действие спектакля направил к единой цели, к образу Комиссара, созданного артисткой Н. Бедлинской. В нем есть и настоящее мужество, и сила, и вместе с тем трогательная женственность. Интересно было видеть в роли Вожака заслуженного артиста республики Ф. Майского, знакомого нам по исполнению роли короля Лира.

«Король Лир» звучит на калужской сцене как большая социальная трагедия, как горестная повесть о человеческом благородстве и предательстве, о добре и зле, столкнувшихся в непримиримой схватке.

Бушует буря. К измученному, нравственно истерзанному королю еще не пришло прозрение. Познающий истину через страдания, Лир — Ф. Майский — здесь глубоко драматичен.

Не случайно обратился коллектив и к творчеству Ф. М. Достоевского, как бы получившему в наши дни свое второе сценическое рождение. Спектакль «Униженные и оскорбленные» поставлен Д. Любарским и В. Черниковым с точным ощущением стиля писателя. Самое удивительное в спектакле — Иван Петрович в исполнении артиста В. Морозова. Неудавшийся писателю образ (об этом говорил еще Добролюбов) в спектакле калужского театра неожиданно обрел живые черты. Не слабый и безвольный, а верно и с грустью осмысливающий окружающую его жизнь, умный и глубоко человечный, Иван Петрович в исполнении Морозова и в молчании своем значителен. Быть может, именно эта удача дала право молодому актеру испытать свои силы в одной из самых ответственных и трудных трагедийных ролей мирового репертуара — в роли Гамлета. Коллектив только приступил к новой постановке Шекспира, идет «застольный период»: актеры вместе с режиссером вдумываются в смысл великого творения, в каждую его фразу.

Недавно труппа пополнилась новыми, молодыми актерами. Первая творческая встреча молодежи произошла в работе над пьесой «Приятный парень», которую ставил режиссер В. Королевич. Автор ее — сверстник исполнителей, молодой драматург В. Нарожнов. Люди, учившиеся в Москве, Ленинграде, Одессе, говорят в своем первом совместном спектакле на едином творческом языке. Дружески и тепло встретили молодых артистов старшие товарищи.

Как не похоже все это на то, что увидела в свое время юная Савина, попав в Калугу! «Труппа была жалостная, а театр очень скверный. » — вспоминала впоследствии великая артистка в своей книге «Горести и скитания».

Сейчас в Калуге хороший театр, и коллектив его дружный, одаренный, трудолюбивый.

Сцена из спектакля «Оптимистическая трагедия»

Фото Л. Петров[illegible]

Герой Цусимы—мичуринец

И. Г. Воробьев на кукурузном участке.

В небольшом домике по улице Чкалова, 8-а, в затоне Октябрьской революции города Уфы, живет участник цусимского сражения Илья Григорьевич Воробьев. Недавно ему исполнилось семьдесят семь лет.

Илье Григорьевичу есть чем поделиться с молодежью. Он хранит книгу «Броненосец Ушаков», подаренную ему писателем А. С. Новиковым-Прибоем, со следующей надписью: «Герою этой книжки Илье Григорьевичу Воробьеву на память автор А. Новиков-Прибой. 14.VIII—1940 г.».

На страницах этой книги во многих эпизодах описывается служба матроса Ильи Воробьева, который, как и все его товарищи, мужественно сражался с японской эскадрой.

Илья Григорьевич служил и в Кронштадте, принимал участие в революционном движении, снабжая питерских рабочих оружием. В годы гражданской войны он в рядах партизан боролся против колчаковских банд. Воробьев прошел не только славный боевой, но и трудовой путь: работал агрономом, пчеловодом, руководил большими пригородными хозяйствами в Красноярском крае и в Башкирии.

Новатор-мичуринец, он на своем приусадебном участке выращивает хлопок, семена которого выписал из Херсонской области. За успехи в работе с хлопком в условиях Башкирии в 1954 году Илья Григорьевич был участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Недавно Воробьев принялся за освоение новой для Башкирии культуры — кукурузы. На его приусадебном участке уже второй год растет кукуруза. Сейчас он стремится получить такой гибрид, который давал бы высокие урожаи на башкирской земле. Для этого он провел скрещивание местного скороспелого, но низкоурожайного сорта Чишминская-1 с южным сортом Миннезота-13-экстра, а в дальнейшем опылил свой гибрид сортом Воронежская-76.

Илья Григорьевич работает под руководством Института биологии Башкирского филиала Академии наук СССР, научным корреспондентом которого он является. О своих интересных опытах мичуринец рассказал на научной сессии по вопросам биологии и агротехники кукурузы в Башкирии. Новатор хочет в нынешнем году вырастить кукурузу из собственных гибридных семян.

Е. КУЧЕРОВ,
кандидат сельскохозяйственных наук.

Тригорское.

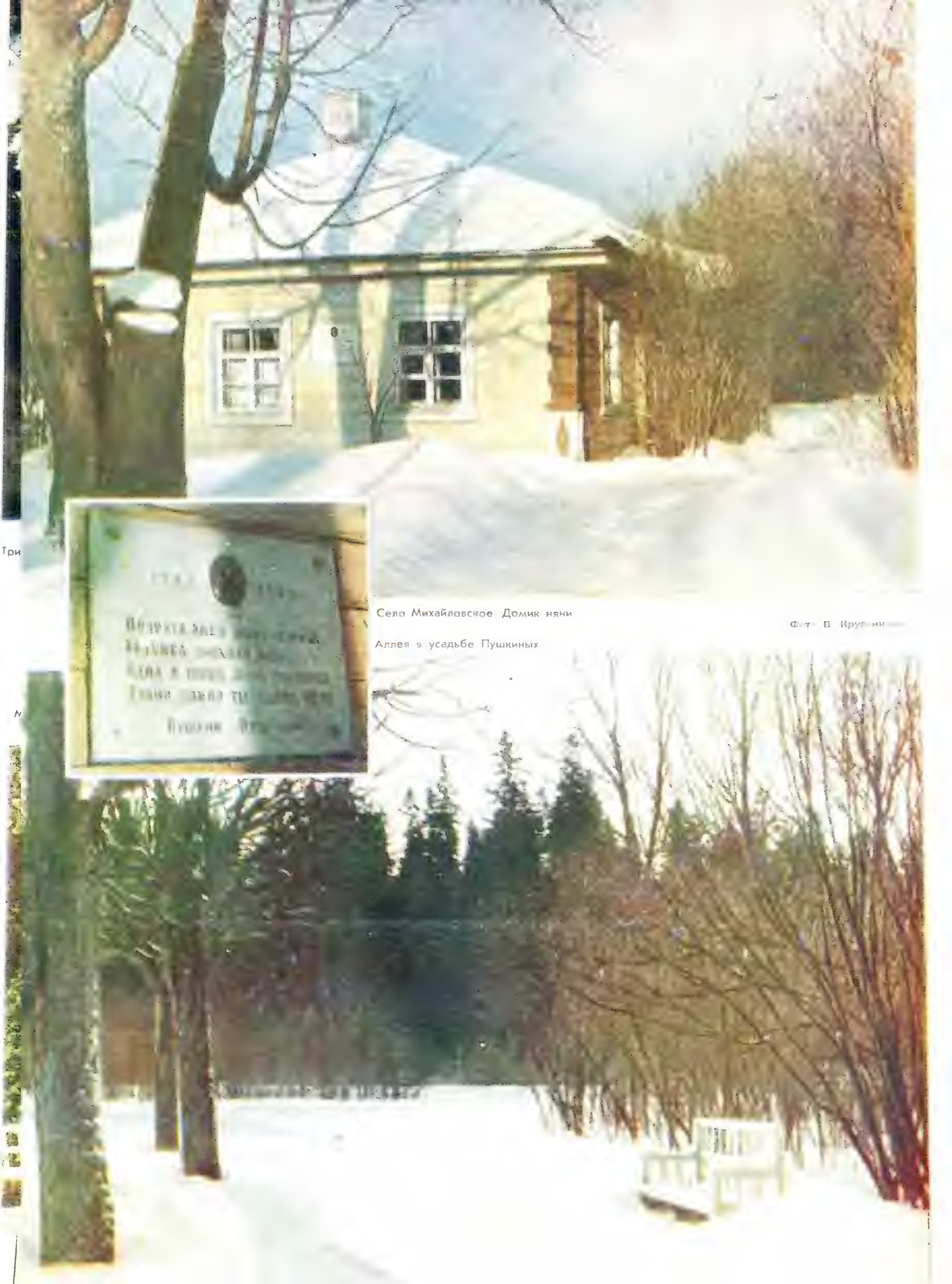

Старейшее дерево парка в Тригорском — «дуб уединенный»

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА

Могила А. С. Пушкина.

Фото А. Гостева.

Село Михайловское Домик няни

Ф т В Иругин

Аллея в усадьбе Пушкиных

ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ ОТ НОЧИ

А. ПОТАПОВ, С. ХОМЕНКО

Фото В. Киврина.

В американской разведшколе

...Самолет шел на снижение и скоро побежал по полю. Рэм прильнул к окну. Мимо проплыли ангары, реактивные машины со стреловидными крыльями, возле которых возились механики в комбинезонах. Это был военный аэродром.

— Добро пожаловать в Соединенные Штаты! — Мюллер хлопнул Рэма по плечу. Он был явно в хорошем настроении.

Когда спустились по трапу на землю, Рэм увидел высокого американца лет 45 в коричневом пальто.

— Хэлло, Ральф! — Мюллер в знак приветствия помахал рукой.

Американец приподнял шляпу. У него были гладко причесанные, слегка седеющие волосы.

— Ваш новый шеф, мистер Ральф Петерсон,— представил Мюллер Морозу встретившего их американца.

Рэм щелкнул каблуками по-военному и вытянулся. Петерсон в ответ слегка наклонил голову, пронизывая Мороза испытующим взглядом.

— Что ж, в путь, мистер Василь Чубаков,— сказал он по-русски, обращаясь к Морозу. Под этим имечем Рэм был занесен в список американской разведшколы. Его настоящая фамилия была известна только новому шефу.

Петерсон, начальник разведшколы, где предстояло обучаться Рэму, доставил нового агента на конспиративную квартиру в Александрии, небольшом городке неподалеку от Вашингтона. Снова начался подробнейший допрос о его жизни, службе в Советской Армии. Допрашивал Рэма некто Петров, белоэмигрант. Затем опять проверка памяти, «детектор лжи», медицинский осмотр. Все это отняло больше недели, после чего Рэму разрешили вместе с Мюллером отправиться на два дня в Нью-Йорк

1 февраля 1956 года Рэм Мороз был доставлен в разведшколу. В 37 милях к югу от Вашингтона по обе стороны автомагистрали раскинулся густой лес. В чаще леса, за невысоким забором, приютилась маленькая ферма. К деревянному домику проложена тропинка. На этой ферме, заброшенной в глуши леса, и началась подготовка агента американской разведки к переброске в Советский Союз.

Окончание. См. «Огонек» № [illegible]

В первый же день Рэм познакомился с фермой и ее немногими обитателями. Ему отвели одну из шести комнат домика. Полная женщина средних лет представилась ему хозяйкой фермы. В обязанности Катрин — так звали ее — входило готовить пищу, следить за чистотой в доме. Устроившись в своей комнате, Рэм вышел, чтоб немного пройтись. В садике, разбитом возле дома, на него с визгливым лаем бросились две пушистые белые собачонки.

— Тип, Топ, назад! — крикнул с крыльца по-английски пожилой мужчина в куртке и сапогах, с охотничьим ружьем в руке. Это был мистер Генри, муж Катрин. Супруги обслуживали ферму, и, кроме них и Рэма, здесь оставался только дежурный инструктор.

В первый день дежурным был Арнольд. Этому плотному голубоглазому блондину было на вид лет сорок. С Рэмом он сразу постарался стать запанибрата, будто знаком с ним целую вечность.

— Арнольд, твой инструктор,— коротко бросил он, протягивая руку.

Арнольд болтал о разных пустяках, вызывая Рэма на откровенность и внимательно разглядывая его.

— Жить здесь будешь неплохо. По субботам можно закатиться в ресторан — в Вашингтон или Балтимор, а то в Фэрфакс. Это все неподалеку отсюда. Девочки неплохие есть. Поедешь со мной, я познакомлю...

Арнольд обучал Рэма истории разведки. Вместе с ним Рэм просматривал кинофильмы о деятельности разведок различных стран мира. Инструктор был не прочь выпить. После русской водки или виски он становился разговорчивым и рассказывал о своих похождениях. Арнольд был эстонцем, хвастал, что служил в гитлеровской разведке, а после войны американцы охотно взяли его к себе. Как-то за кружкой пива Арнольд в порыве откровенности поведал Рэму, что однажды с группой американцев выезжал в Англию для выполнения особого задания разведки. В то время в Англии находился с дружеским визитом советский крейсер «Свердлов». Арнольду и его группе поручили установить наблюдение за крейсером и вербовать советских моряков. Инструктор с горечью признался Морозу, что его группа потерпела в этом деле полный провал.

Занятия в разведшколе начинались с половины девятого утра и с короткими перерывами длились до вечера. Рэму преподавали фотодело, топографию, систему охраны государственных границ СССР, тайнопись, обучали оказанию первой медицинской помощи. Особое внимание уделялось спортивной подготовке и изучению оружия. Инструктор Хул, американец, обучавший Рэма меткой стрельбе из пистолета, часами добивался точного выстрела.

— Стреляйте только в живот,— говорил Хул. — Это — самое лучшее место: верная смерть и долгие мучения врагу...

Хул вывозил Рэма на ближайший артиллерийский полигон. Здесь была оборудована полоса препятствий. Мороза учили преодолевать проволочные заграждения, которые могли встретиться на советской границе. Затем ученик переходил к инструктору Дику. Под его наблюдением он должен был описывать увиденные им на полигоне укрепления. На военном аэродроме, куда его возил Дик, Рэм после осмотра подробно излагал инструктору расположение аэродрома, описывал марки самолетов. Это называлось: практические занятия по наблюдению за военными объектами.

Был еще один очень важный предмет, преподаванию которого отводилось много времени. Американец Джо, самый строгий из всех инструкторов, всегда резкий и грубый, обучал Мороза, как нужно добывать советские документы.

— Это будет вашим самым главным заданием, — говорил Джо. — Нужны паспорта, военные билеты, удостоверения личности, различные справки. Действуйте только наверняка. Не занимайтесь мелким воровством, не думайте залезать в карманы: вас могут поймать. Поступайте так. В сельской местности вечером человек возвращается домой из соседней деревни. Он был там по делам или в клубе. Вы появляетесь. Легкий удар чем-нибудь тяжелым по голове. Убивать не надо. Документы у вас в руках. Привяжите потерпевшего к дереву. Утром его кто-нибудь отвяжет. В городе, в глухом переулке, вы встречаете прохожего. «Руки вверх!» Дело одной минуты. Берите только документы. Ну, а если ваш объект вздумает сопротивляться, тогда не церемоньтесь. Пьяный, уснувший на скамейке парка, — для вас находка. Садитесь рядом и действуйте осторожно...

Часто Рэма навещал начальник разведшколы Ральф Петерсон. Он следил, чтобы агент аккуратно читал советскую прессу, советскую литературу, был в курсе всей жизни Советской страны. По вечерам Рэму демонстрировали советские кинофильмы.

Инструкторы изо всех сил стремились к тому, чтобы их ученик как можно меньше оставался один, чтобы он не очень задумывался над тем, какое будущее предстоит ему на поприще американского шпиона. Его в изобилии пичкали американскими боевиками, гангстерскими фильмами, детективными романами. По субботам и воскресным дням Рэма увозили в близлежащие города, спаивали в ресторанах и барах либо занимали игрой в бильярд, волейбол, гольф.

Мороз старался быть усердным учеником. К этому времени его решение порвать со своим прошлым окончательно созрело. Он все хорошо усваивал, стремился больше запомнить, услышать, узнать. За время обучения он стал хорошо понимать по-английски.

— Уверяю вас,— говорил ему мистер Генри,— вы уже неплохо говорите по-английски. Сколько здесь до вас было людей, никто за четыре месяца не делал таких успехов в языке. Поздравляю, мистер Чубаков.

Рэм догадывался, конечно, что и до него на этой ферме обучалось немало агентов, подготавливавшихся к переброске в Советский Союз. Генри окончательно рассеял все его сомнения на этот счет.

Учеба подходила к концу. Близился день отправки в СССР. Рэм ждал этого дня с нетерпением.

Роберт получает задание

14 мая 1956 года Ральф Петерсон торжественно поздравил Рэма с окончанием американской разведшколы.

— Ну, Петр Григорьевич,— сказал он, приветливо улыбаясь, — расскажите мне немножко о себе.

Обращение не удивило Рэма. В последние дни перед отправкой из США американцы заставили его вызубрить назубок мнимую биографию некоего Петра Григорьевича Марченко, за которого он должен был выдавать себя на территории Советской страны. Эта биография была несложной. Родился в Харькове, окончил автодорожный техникум, затем война, служба в армии. Подробно указывались номера и названия воинских частей. В 1945 году демобилизовался. Вернулся в Харьков, затем переехал в Киев. Здесь встретил знакомую по службе в армии девушку. Она посоветовала ему перебраться в Ужгород, где можно устроиться на работу и получить жилье. Работал на спирто-водочном заводе. Отравился спиртом, испортил зрение: американцы учли такую деталь, что Рэм начал носить очки. Перебрался в Ленинград. Жил у однополчанина, затем устроился автомехаником в строительно-монтажное управление.

Рэм никогда не бывал в Ленинграде, и поэтому ему необходимо было запомнить названия ленинградских улиц, кинотеатров, бань, магазинов, знать расположение районов города, где якобы проживал Марченко. Свое появление в южных районах страны Петр Григорьевич Марченко должен был объяснять поездкой в отпуск, на что имелась соответствующая справка.

По указанию и под личным контролем Петерсона инструкторы

Фальшивые документы на имя П. Г. Марченко

дательно отработали с Рэмом шпионское задание. В районе Тбилиси и Баку он должен был наблюдать за некоторыми важными оборонными объектами. В пятидесяти километрах от Тбилиси Рэму предстояло отыскать посадочную площадку размером в триста квадратных метров. Американцы предписали своему агенту вести тщательное наблюдение за шоссе, железными дорогами, за прохождением по ним воинских эшелонов и грузов, запоминать номера воинских частей. Нужно было также подыскивать в Тбилиси места для конспиративных квартир, выявлять людей, которые могли бы за плату предоставлять квартиры для проживания без прописки. Всегда и всюду выслушивать сплетни, анекдоты, выявлять настроение населения.

Мороз получил явку: 22 и 29 июля ровно в 16 часов 55 минут он должен был прийти в Тбилиси на проспект Руставели и в течение четверти часа прогуливаться перед зданием грузинского филиала Института марксизма-ленинизма. Чтобы его могли узнать, под мышкой надо было держать сверток в белой бумаге, а в задний карман брюк положить «Правду» так, чтобы ясно было видно название газеты. Прогуливаясь, все время почесывать левое ухо. К нему должен подойти человек с вопросом: «Вы не знаете, где здесь находится улица Сталина?» Ответ агента: «Нет, я знаю только улицу Ленина». Человек передаст сверток, его надо спрятать понадежнее, а для этого отыскать тайник. При обратном переходе границы сверток надо обязательно забрать с собой.

Самой главной задачей, которую получил Роберт от американской разведки, было добывать любыми путями различные документы, не останавливаясь перед убийством советских людей. Американская разведка, видимо, испытывает большую нужду в подлинных советских паспортах, военных билетах, удостоверениях личности, необходимых для снабжения агентов, готовящихся к переброске в СССР.

Срок отправки из США был назначен на 15 мая. В этот день утром Рэму вручили карту того района советской территории, где он должен был действовать. Карта была выполнена на тончайшем шелке специальной краской, которая не смывалась водой.

Рэм получил двадцать тысяч советскими деньгами и фотоаппарат «ФЭД».

— Будете фотографировать порт в Баку,— давал последние наставления инструктор Хул.— не вздумайте делать этого открыто. Идите в парк имени Кирова, гуляйте, познакомьтесь с девушкой. Она, конечно, захочет сфотографироваться с видом на море. Пожалуйста! Фотоснимок девушки — это ваше дело. Нам нужен четкий фон.

Американцы предусмотрительно снабдили своего агента сильнодействующими медикаментами. Он сам мог оказать себе эффективную помощь при гриппе, желудочном заболевании, легких ранениях и ушибах. Обращаться к врачу нельзя: могут потребовать документы. А наказ был строгим: документы предъявлять лишь в самом крайнем случае. Избегать прописки. Ночевать только на частных квартирах. Ни в коем случае не бросаться деньгами. Избегать ссор. При неправильном переходе улицы немедленно выполнять требование милиционера или платить штраф. А если задержат, отстреливаться, уходить... Когда выхода нет, надкусить ампулу с ядом (синильной кислотой), упрятанную в уголке воротника. Один легкий укус — и следует немедленная смерть.

Карта района действий Р. Мороза на шелке.

Снова в Европу

15 мая было последним днем пребывания Рэма Мороза в Соединенных Штатах Америки. Инструкторы Фрэд, который обрабатывал с ним шпионское задание, и Майк, преподававший тайнопись, прибыли вместе с ним на военный аэродром под Вашингтоном, где уже стоял готовый к отлету знакомый Рэму самолет № 05533, доставивший его в свое время в США. Морозу предстояло лететь вместе с Фрэдом, Майком и еще одним американцем, которого он видел впервые. Все четверо сели в кабину, четырехмоторная машина поднялась в воздух и через 26 часов полета благополучно приземлилась на западногерманском аэродроме в Висбадене.

Фрэд и Майк ни на минуту не оставляли Рэма. Вместе с ним они сели в машину и скоро прибыли во Франкфурт на Майне, на известную уже Рэму конспиративную квартиру по Фрауенштайнштрассе, 4. На этой трехэтажной вилле он останавливался четыре месяца назад, перед отправкой в США. Это был запущенный и довольно грязный дом, в котором никто не жил. Видно было по обстановке, что обитатели виллы задерживаются здесь ненадолго и никто не беспокоится об убранстве и чистоте дома. Рэм пробыл здесь всего один день и, переночевав, с Фрэдом и Майком отправился в Мюнхен. Тут, в доме № 14 по Сабиншмидтштрассе, Рэм снова встретился со своим бывшим шефом Мюллером.

— Отдыхайте, набирайтесь сил. Путь предстоит нелегкий,— сказал ему Мюллер.

Выходить из дому категорически запрещалось: могли встретить знакомые, которые считали, что Рэм в Бельгии. О сроках отправки на задание он ничего не знал. Сидя в квартире, Мороз много думал о том, как встретят его в СССР, поверят ли признанию, как сложится дальнейшая судьба. Что бы ни случилось с ним, Рэм твердо решил начать жизнь сначала, вернуться на путь честного человека, вновь обрести родину. Только одного боялся Мороз: как бы американцы в последнюю минуту не изменили решения о его отправке.

Но этого не случилось. 30 мая Фрэд и Мюллер (Майк остался в Мюнхене) снова направились на автомашине во Франкфурт на Майне. 1 июня, в 3 часа дня, все тот же самолет № 05533 принял на борт всю группу и взял курс на Турцию.

У погранстолба 128

Самолет прибыл в Анкару ночью. Несмотря на поздний час, его ожидали. Группу встретил американец, с ним было двое турецких офицеров. Рэма и сопровождавших его американских разведчиков доставили в одно из зданий турецкой столицы.

Через несколько дней Фрэд уехал из Анкары. 8 июня утром на одномоторном самолете покинули Анкару и Рэм с Мюллером. На аэродроме в Карсе их встречал Фрэд, который объявил, что все в порядке.

— Сегодня в путь,— кратко сказал Мюллер Рэму.

Мюллер передал Морозу небольшой чемодан с бельем, костюмом, обувью советского производства. Рэм переоделся. На нем был теперь темно-синий грубошерстный костюм, штапельная рубашка, кирзовые сапоги, темный прорезиненный плащ, дешевая кепка. Чтобы не привлекать к себе внимания, по дороге к границе Рэм снял кепку и плащ, надел турецкую пилотку, набросил солдатскую шинель. Фрэд и еще один американец также надели турецкую военную форму. Все было готово. Настало время проститься с Мюллером. Он давал Рэму последние наставления:

— До границы вас проводит Фрэд. Перейдете у погранстолба 128. Вам точно укажут расположение заставы. Идите в противоположную сторону. После прохода вспаханной защитной полосы смените грязную обувь. Неподалеку от погранстолба небольшое озеро. Там и утопите сапоги. Наденьте полуботинки.

Рэм знал из уроков Арнольда, что ему при переходе границы предстоит пройти вначале нейтральную зону, а затем, за линией границы, начнется вспаханная полоса, где отпечатается каждый шаг нарушителя. Вот почему после перехода полосы ему предлагалось сменить обувь.

— Где-нибудь в расщелине оставите чемодан, — продолжал свои наставления Мюллер.— Запоминайте дорогу до мелочей: обратно пойдете тем же путем. Желаю удачи. Надеюсь, что скоро встретимся.

Подошла легковая автомашина с номером «Н-173». Турецкий офицер распахнул дверцы. Фрэд, еще один американец в турецкой форме и Рэм сели в машину. Офицер занял место рядом с шофером.

Выехали на северную окраину Карса. Машина петляла по немощеным улицам мимо небольших, одноэтажных домиков. Скоро Карс остался позади. Рэм, надвинув на глаза пилотку, попытался

хоть немного задремать, чтобы забыться, прогнать охватившее чувство робости, томительного ожидания того, что должно было совершить коренной перелом в его жизни. Но задремать не удалось. Не давала покоя мысль о встрече с теми, в чьи руки он передавал свою судьбу, зачеркивая свое прошлое. Да и машина то и дело подпрыгивала на выбоинах каменистой извилистой дороги.

Машина шла в гору, и дорога становилась все хуже. Долго ехали вдоль узкой и бурной горной речки. Дорога постепенно сужалась. Наконец впереди показались группа людей в форме турецких пограничников и лошади. Дальше автомобильного пути не было, начинались горные тропы

Пересели на лошадеи, заблаговременно высланных с турецкой пограничной заставы. Тропа забирала все круче вверх. Вечерело По дороге встречались отары овец, и пастухи с любопытством наблюдали военный отряд. Проезжали мимо небольших деревень, приютившихся в горах. Было уже совсем темно, когда турецкий офицер сделал знак остановиться. Дальше двинулись пешком по узкой и скользкой от грязи тропке. В темноте кое-где в горах резко [illegible]

...ный американцами Р...

снеговые пятна. Потоки от снега, таявшего в горах, размыли тропку, по которой двигался отряд

По знаку турецкого офицера сделали привал.

— Граница рядом, — сказал Фрэд Рэму.

Турецкий офицер отдал приказ следовавшим с ним солдатам, и те ушли вперед. Фрэд вручил Морозу пистолет «ТТ» и 47 патронов к нему. Затем он показал ему ампулу с ядом и, не говоря ни слова, сам аккуратно вложил ее в маленький кармашек в правом уголке воротника рубашки Рэма. Американец зажег карманный фонарик и указал Морозу на его карте расположение советской погранзаставы и погранстолба 128.

— Обратно границу будете переходить здесь же,— сказал он вполголоса.— Турки вас задержат. Пароль для пограничников: «Бокал». И еще вот это...— Фрэд положил в руку Рэму половину сломанной расчески.

— Вторая половина будет у турецких пограничников. Это ваш вещественный пароль.

С наступлением темноты стало холодно. Поеживаясь, Рэм набросил на себя байковое одеяло, оказавшееся в чемодане, который вручил ему Мюллер. Впереди послышались шаги. Вернулись турецкие солдаты.

— На границе все спокойно,— доложил офицеру старший.

— Пора! — Фрэд легонько хлопнул Рэма по плечу, напутствуя его в дорогу.

Мороз нажал кнопку фонарика и посмотрел на часы. (Американцы снабдили его советскими ручными часами «Победа».) Было четверть десятого. Он поднялся, свернул одеяло, взял чемодан и

...Когда занималось утро 9 июня 1956 года, под ногами Рэма уже была советская земля. Он сидел в кабинете представителя органов государственной безопасности и рассказывал свою историю. За окнами брезжил рассвет. В предутренней дымке вырисовывались очертания горных вершин. Небо на востоке алело. Ночь кончилась...

Самое дорогое

Сейчас мы сидели у Рэма Петровича Мороза дома и слушали исповедь человека, много раз заблуждавшегося, но нашедшего наконец единственно верный путь в жизни. Рэм Петрович хмурился, пепельница перед ним была полна окурков, большие руки нервно крутили лежавший на столе карандаш. Видно было, что ему нелегко дался этот рассказ, нелегко было вспоминать о своем прошлом. Но оно уже позади. Р. П. Мороз, чистосердечно раскаявшийся в своих преступлениях перед Родиной, заслужил ее прощение. Теперь он снова советский гражданин, живет и трудится, как и все советские люди.

— Когда я ехал в совхоз,— говорит Рэм Петрович,— я много думал о том, как встретит меня коллектив, поймут ли меня, не отвернутся ли. Я мог прямо смотреть людям в глаза: ничего не было скрыто, я признался во всем. Мой страх был напрасен. У наших людей — большое сердце. Меня хорошо приняли, создали все условия для работы. Трудно передать вам, что значит для меня доверие соотечественников.

Рэм Петрович заводит речь о совхозе, который он избрал местом своего жительства. Он автомеханик. Работы хватает. Ремонтирует автомашины, прицепы. По вечерам вместе с товарищами по работе смотрит кинофильмы в совхозном клубе, любит играть на бильярде.

— У меня было достаточно времени,— сказал нам Рэм Петрович Мороз, — глубоко прочувствовать неопровержимую истину: тот, кто действительно любит свою Родину, но случайно, или по недомыслию, либо по стечению обстоятельств оказался за ее рубежами, должен найти в себе силы порвать со своим прошлым и вернуться домой. Родина поможет т кому человеку, как помогла мне, помогла многим другим найти путь в новую жизнь. Родина для человека — это самое дорогое.

... Мо...

ИССЛЕДОВАНИЯ, МОНОГРАФИИ, АЛЬБОМЫ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОКРОВИЩА СССР

РУССКАЯ ЖИВОПИСЬ В МУЗЕЯХ РСФСР

ВЫПУСК II

Пятилетний план издательства «Искусство» предусматривает выпуск литературы по эстетике, теории театра, драматургии, кино и изобразительному искусству, а также по искусству зарубежных стран.

Большое место в плане занимают массовые издания, рассчитанные на широкий круг читателей.

Ряд исследований посвящен эстетическим взглядам Маркса, Энгельса, Ленина; выйдут в свет монографии об эстетике Дидро, Шиллера, Гете, Лафарга, Меринга, Плеханова.

Читатели получат капитальные издания о творческом опыте мастеров театра. Впервые будут опубликованы богатейшие архивы Ф. Шаляпина, Л. Собинова, Вс. Мейерхольда, С. Михоэлса, Л. Леонидова, М. Андреевой.

Предполагается выпуск небольших монографий, посвященных ведущим советским театрам, а также театральной культуре братских республик.

В ближайшие годы появятся книги по истории русского и зарубежного костюма, по истории интерьера XIX века.

Намечены к изданию книги мастеров киноискусства— «О режиссуре фильма» И. Хейфица, «Из опыта работы кинорежиссера» М. Ромма, «Актерский ансамбль в фильме» Ю. Райзмана, «Изобразительное решение фильма» А. Шеленкова. Кроме того, выйдет сборник «Мастера кино о режиссуре» с высказываниями крупнейших деятелей киноискусства.

Расширяется издание литературы о зарубежном кино. Выйдет шеститомник «Всеобщая история кино» Ж. Садуля, капитальное исследование «Современное французское кино», подготавливаемое коллективом сотрудников сектора кино Института истории искусств Академии наук СССР.

Много интересных изданий намечено к выпуску и Государственным издательством изобразительного искусства.

К сорокалетию Советской власти будут выпущены десятки различных плакатов, а также портреты выдающихся деятелей Коммунистической партии. Подготавливаются два альбома, посвященные В. И. Ленину, альбом «Советский Союз на пути к коммунизму», в котором должны быть показаны достигнутые нашим народом успехи в строительстве коммунизма, успехи, достигнутые в претворении решений XX съезда КПСС. Достижения советского изобразительного искусства будут показаны в альбомах «Советская графика за 40 лет», «Советская скульптура за 40 лет».

М. АМШИНСКИЙ

ГОРОД на льду

З. ЮРЬЕВ
Фото А. БОЧИНИНА и И. ГАНЮШКИНА

Зима в Москве в самом разгаре. Мальчишки г юбились в хоккейную шайбу. Площадок на всех не хватает. Что ж, при желании можно играть на любом ровном месте!

Стараниями дворников со снегом в Москве расправляются быстро, и его можно найти, пожалуй только на крышах безгаражных автомобилей. Так что, если забыть про мороз, иной раз и не сразу определишь, что на дворе февраль.

Но есть в Москве места, где зима — полновластный хозяин. Это катки — сотни тысяч квадратных метров льда, целый ледяной город.

Чтобы покататься, нужен не только хороший лед, коньчи и умение. Нужно, между прочим, приобрести и билет. Дело это не всегда простое...

Поэты заблуждались, считая лучшим местом для свидания беседку. Каток куда удобнее! Судя по всему, знакомая этого молодого человека сегодня не торопится.

Зайдем на каток. В этом ледяном городе свои улицы, площади и, конечно, свои правила «уличного движения». Светофоров нет, зато есть милиционеры на коньках. Лихачество и здесь не поощряется.

Но все эти строгости для умеющих. А новички пока заняты одним — как научиться стоять на собственных ногах. Он говорит ей:

— Сначала отталкивайся одной ногой, потом другой...

— А я что, руками отталкиваюсь? — ехидно спрашивает она и тут же падает. Но и в падении они оказались неразлучны

А это кто такие, со взглядом, полным зависти и тайной надежды? Трудно сказать: то ли они не умеют еще кататься то ли не достали билетов. Пожелаем им быстрее стать на коньки.

«ГРЕКИ ХОТЯТ ДРУЖИТЬ С СССР!» —

сказал Илиас Бредимас—греческий парламентарий

Беседа с господином Илиасом Бредимасом, членом парламента Греции, совершающим поездку по странам Восточной Европы и СССР, началась с молчания. Греческий гость молча и с видимым удовольствием рассматривал фотографии, изображающие его родину, помещенные в нескольких номерах «Огонька».

Оказалось, что некоторые фотоснимки господин Бредимас уже видел и даже читал, вернее, слушал устный перевод двух путевых очерков о Греции писателя Евгения Поповкина.

— Они написаны рукой друга,— говорит греческий парламентарий.— Этот друг постарался увидеть все хорошее, что есть у нас, и рассказать об этом советским читателям. Мы, греки, очень хорошо знаем, что советские люди—наши друзья, наши старые друзья. Еще сто тридцать лет назад Россия помогла грекам сбросить пятисотлетнее турецкое иго.

Господин Бредимас вспоминает, что русский государственный деятель XIX века грек Каподистрия был греческим президентом, и с шутливой торжественностью добавляет, что именно благодаря ему греки научились сажать картофель.

— Запишите, запишите — это очень важно,— говорит он.— Но не только прошлое объединяет наши народы,— продолжает господин Бредимас.— В нынешнее время у нас единая цель — мир. Греки искренне благодарят Советский Союз за моральную поддержку, которую оказывают советские люди борцам за независимость Кипра.

Отвечая на вопрос об экономических связях между нашими странами, господин Бредимас говорит, что греки весьма заинтересованы в торговле с СССР, особенно греческие крестьяне, так как они продают Советскому Союзу многие продукты сельского хозяйства.

— И то, что совсем недавно,— продолжает греческий парламентарий,— между нашими странами снова заключено торговое соглашение, которое увеличивает почти в три раза товарооборот, очень обрадовало греческих крестьян. Все это вместе и объясняет огромную симпатию, которую греки чувствуют к Советскому Союзу. Несколько месяцев назад, возвращаясь из Каира, в Афинах побывал господин Шепилов. Когда он появлялся на улице, афиняне горячо приветствовали его. Никому из иностранных гостей греки не устраивали таких встреч, кроме разве Черчилля во время его приезда в Грецию сразу после окончания второй мировой войны. Но это было тогда. А если бы сейчас господин Черчилль рискнул появиться в нашей стране, ему пришлось бы разочароваться в гостеприимстве моих соотечественников.

Далее господин Бредимас останавливается на своих впечатлениях о жизни в Чехословакии, ГДР, Польше и Советском Союзе. Он восторгается успехами, которых добились эти страны. Он обязательно будет рассказывать о них в парламенте, на различных общественных собраниях в Греции, в газетах и даже напишет книгу. Везде он собирается говорить о необходимости более тесного экономического сотрудничества Греции с Советским Союзом и странами Восточной Европы.

— На основе собственных наблюдений,— говорит член греческого парламента,— я убедился, что отношения между СССР и странами Восточной Европы построены на принципах полной независимости и экономической выгоды. Помощь, которую Советский Союз оказывает странам Восточной Европы, я могу сопоставить с американской помощью некоторым странам, но вовсе не для того, чтобы найти сходство. Сходства здесь как раз очень мало, ибо американская помощь в отношении, например, Греции давно перестала быть помощью, а стала инструментом вмешательства во внутренние дела моей страны. Американцы создали в Греции военные базы и собираются использовать ее как военный плацдарм.

Греки симпатизируют американцам, но отвергают американскую политику вмешательства в дела других народов. Мы хотим дружить и с СССР и с США, но при одном условии — полного равноправия.

Илиас Бредимас не принадлежит ни к одной из политических партий, в парламенте он занимает позицию независимого. В беседе с нами он подчеркивает, что из-за давления американцев некоторые официальные лица в Греции проводят сдержанную политику по отношению к Советскому Союзу. Но такая политика ничего общего не имеет с настроением народа.

В заключение господин Бредимас сказал, что в Советском Союзе он имел возможность видеть, как живут греческие политические эмигранты, покинувшие родину после окончания гражданской войны 1946—1949 годов (это одна из целей его поездки). Все слухи, которые распускали реакционные круги в Греции о том, что греческие политэмигранты в СССР якобы заключены в концентрационные лагери, полностью опровергнуты.

— Мало того,— горячо говорит господин Бредимас.— я увидел, что греки здесь имеют возможность учиться и многие стали прекрасными инженерами, учеными. Рядовой грек у себя на родине не может рассчитывать на такие условия труда и учебы. Когда эти эмигранты вернутся в Грецию, они принесут ее народу очень много пользы.

Беседа заканчивается. Господин Бредимас сообщает нам, что после Советского Союза намеревается посетить Румынию, Болгарию, Венгрию и Албанию.

Мы желаем ему счастливого пути.

Г. БОРОВИК

Рабочий день Матвея

Наталия ПАНКРАТОВА

Рисунки Е. ГУРОВА

Когда Матвей вышел умываться, большая многонаселенная квартира была почти пуста. Все ее обитатели уже разошлись по своим делам: на работу, в институты, школы, магазины. Матвей просыпался в квартире последним. Надо сказать, что ложился он тоже последним, но этот факт не вызывал ни у кого сочувствия. Соседи не любили Матвея. Бабка Маланья, пенсионерка из маленькой угловой комнаты, так определила Матвея:

— Повес, балабол и бездельник!

И вся квартира согласилась с бабкой, хотя никто не знал, что именно подразумевается под словом «повес». Хотя не был Матвей и «балаболом». С этим словом всегда связано представление о человеке болтливом, а Матвей был скорее молчаливым. И, наконец, нельзя назвать его и бездельником. Да, он поздно вставал, но поздно и ложился. А чем занят его день? Этого никто не знал. Квартиранты замечали, что Матвей ежедневно выходит из дому в час дня и в час ночи возвращается. Считалось, что он ходит на работу. Считалось... Впрочем, в это верила, кажется, только его мать, туговатая на ухо женщина с тихим нравом и громким голосом. Ей казалось, что все слышат так же плохо, и поэтому, разговаривая, она кричала. Ее собеседнику тоже приходилось напрягать голосовые связки, и почти все происходящее за дверью Матвеевой комнаты немедленно становилось достоянием всей квартиры. Все знали, что Матвей ел на завтрак, что его мать видела во сне, о чем им пишет тетя Шура из Моздока. Никто не знал, однако, где и в качестве кого работает Матвей.

— Шут его разберет! — ломала голову бабка Маланья. — Одевается чисто, но опять же выпивает сильно. Может, по ресторанному делу? Тем более и домой поздно приходит... Но, с другой стороны, чего скрывать, если человек при хорошем деле?.. Шофер, может? Не похоже по запаху? Бухгалтер? Считает слабо! Попросила его разложить за свет по комнатам, так мальчишка Лешка Смазкин, даром, что в четвертом классе, в момент все рассчитал, а Матвей бился, бился, а потом сказал, что времени у него нет на эти пустяки... Наверное, родная мама не знает, чем ее сын занимается!

Путь в ванную лежал через кухню, и Матвей не миновал острого взгляда любопытных глаз бабки Маланьи. В ванной он пробыл недолго, молча вернулся в свою комнату и, казалось, ничем не мог вызвать бабкиного нерасположения. И все-таки, когда Матвей прошел кухню, бабка сказала:

— Двенадцатый час, а балабол только рожу умыл! Никогда «здравствуйте» не скажет! Вот уж истинно — повес!

И находившиеся в кухне две домохозяйки молчаливо с ней согласились.

Матвей причесался и сел завтракать. Мать его подошла к столу и прокричала, глядя на сына жалобными глазами:

— Матвей, деньги все уж кончились! Дал бы хоть сколько!

— Опять денег матери не дает! — отреагировала в кухне бабка Маланья. — Интересно: какой у него оклад жалованья? И на что он пьет, бездельник?

На просьбу матери сын не счел нужным отвечать словесно. Он встал, вынул из маленького чемоданчика, с какими ходят балерины и маникюрши, небольшой мешочек и горкой высыпал из него мелкие деньги прямо на стол.

— Рублей на сорок здесь! И отстань! — сказал он и снова принялся за завтрак.

— И откуда у тебя всегда столько мелочи? — громко удивилась мать. — И как мне с ней по магазинам ходить?..

— На паперти, что ли, он стоит? — сокрушалась в кухне бабка Маланья. — Подумать только, одной мелочью матери дает! А может, он, бабоньки, громила, наш балабол? Очень просто, грабитель!

— Если бы грабил, покрупнее деньги были бы! — сказала одна из домохозяек.

— Автоматы на улицах грабит, не иначе! — решила бабка. — Вот сейчас он уйдет, выясню у его матери, какую он ей мелочь приносит. И ежели одни пятиалтынные, — дело ясно! Пойду за участковым! И ведь что мне подозрительно: без выходных, бездельник, работает!

— И охота вам, бабушка, вмешиваться! Милиция сама знает, кого ей сажать, а кого подождать, — сказала другая домохозяйка, сдувая пену с молока.

В комнате Матвея Васюткина глухо и хрипло старинные часы пробили два раза. Квартира прислушалась к бою и констатировала, что уже час дня. Часы Васюткиных шли на час вперед уже не первый год, и самые опытные часовые доктора не брались их вылечить.

Матвей вышел из комнаты. На нем была новая пыжиковая шапка, солидные башмаки на каучуке, добротное пальто и яркий пушистый шарф. В руках он держал свой маленький чемоданчик. В коридоре и прихожей никого не было, но из кухни сверкнули остренькие глазки бабки Маланьи, и Матвей поспешил захлопнуть за собой парадную дверь.

— Отправился наш работничек! — зевнула бабка и перекрестила рот. — Нешто и мне сходить на базар? Лук весь вышел...

Выйдя из подъезда, Матвей прищурился на яркое зимнее солнце и голубое небо.

Ровно в два часа Матвей открыл большую тяжелую дверь одного из привокзальных ресторанов. Швейцар поклонился ему, а гардеробщик даже вышел из-за стойки, принимая из рук посетителя чемоданчик. Матвей сдал в гардероб пальто. Шапку, шарф и перчатки он уложил в чемоданчик, вынув предварительно из него сверток, и проследовал за шторку, за которой светилось на грязном стекле: «Мужской туалет».

Через несколько минут из-за шторки вышел совсем другой Матвей: одетый в грязный рваный ватник и такие же стеганые штаны. Роскошные башмаки утонули в рваных резиновых ботах. Голову его украшала крошечная,

куцгузая кепочка, измятая до последней степени. Выскользнув из ресторана и запахнув полы своего странного наряда, Матвей, сгорбившись, двинулся по оживленной солнечной улице. Пройдя несколько шагов, он шмыгнул носом и гнусавым голосом протянул:

— Братья и сестры, граждане и гражданочки, помогите по силе своих возможностей несчастному инвалиду, пострадавшему в Великую Отечественную войну...

Когда он дошел до угла, его большая вместительная ладонь была полна меди и серебра. Бумажки Матвей клал во внутренний карман «спецодежды». И ни одной «гражданочке», ни одному «братцу» не пришло в голову, что во время Великой Отечественной войны Матвею было не больше десяти лет...

«Инвалид» прошел одну улицу, вторую, третью... Карманы его ватника отвисали под тяжестью монет. Подавали многие. Некоторые с сочувствием, некоторые с брезгливостью. На колеблющихся Матвей действовал своим жалким видом — лохмотья, посиневшее лицо, дрожащие руки.

Около большого колхозного рынка царило обычное оживление. Матвей начал обход торговых рядов. В павильоне было теплее, чем на улице, и он немного отогрелся. Здесь подавали ему и покупающие и продающие. Розовощекий веселый армянин протянул ему большую грушу, и нищий, стыдливо отворачиваясь, с аппетитом съел ее. Вытирая с губ и подбородка сладкий сок, он перешел в другой павильон.

Низенькая старушка подала потертый двугривенный, и он уже отошел от нее, как вдруг каким-то чутьем, спиной ощутил на себе ее острый, любопытный взгляд. Матвей сделал усилие, чтобы не обернуться, и это его спасло.

— Никак Матвей?.. Матвей! — услышал он позади себя голос бабки Маланьи. — Ты это али не ты?!

Он пошел быстрее, не оглядываясь, сильно припадая на левую ногу. Смешавшись с толпой, выбрался из павильона и скрылся с базара через проходной двор.

— Черт занес эту старуху в такую даль! Дома базар под боком, так нет — на край города забрела!

Встреча с бабкой Маланьей взволновала Матвея. Целый квартал он прошел, ни у кого не прося милостыни. Успокоившись, он заставил свое лицо вновь принять жалобно-дурацкое выражение и загундосил, протягивая встречным ладонь лопаточкой:

— Братья и сестры...

Мороз заметно усилился, и Матвей решил перенести свою деятельность на городской транспорт. Волоча правую ногу, он с трудом поднялся в автобус, сложил ковшиком руку и открыл рот для привычного: «Братья и сестры, по мере сил и возможностей... потерявшему здоровье на фронтах войны...», — как вдруг синеглазый мальчик, покраснев, встал с переднего места и громко сказал:

— Дядя, садитесь, пожалуйста!

Матвей, мысленно стукнув мальчика по его благовоспитанной головке, сел. Сдерживаясь, чтобы не чертыхаться вслух, он спросил:

— Кондуктор, сколько до конца?

— Следующая и есть конец. Двадцать копеек!

...Потеряв часть рабочего дня даром, Матвей шел по улице, думая о том, где бы согреться. Отвернув засаленный край рукава, он посмотрел на часы и довольно присвистнул:

— Пора обедать!

В рабочем дне Матвея отведено время и на обед. Правда, иногда обед совмещался с ужином. Это бывало в том случае, если «финансовая норма» оказывалась выполненной уже в первую половину дня...

До «своего» ресторана Матвей дошел быстрым шагом делового человека, не размениваясь по дороге на «мелочи». Знакомый швейцар распахнул перед ним дверь, знакомый гардеробщик приветливо улыбнулся, знакомая занавеска скрыла его. Через несколько минут он появился в своем нормальном виде и прошел в зал.

— Ловкий человек! — вздохнул швейцар.

— Не вор, а грабит! — покрутил головой гардеробщик.

Прежде, чем сесть за столик, Матвей подошел к буфету. За стойкой работала худощавая девица с нервными, быстрыми глазами.

— Принимай кассу! — сказал негромко Матвей и положил перед ней глухо брякнувший металлом мешочек.

Девица проворно спрятала мешочек в буфетных недрах и зло прошипела:

— Из банка вчера интересовались, откуда у нас всегда столько мелочи. Целый час инспектор крутился около меня, и, как на зло, хоть бы кто копейку дал мелочи... Сдачу нечем было давать... Ох, засекут тебя, Матвей!

— Разговорчива больно! — процедил Матвей. — Налей лучше полтораста, промерз! Ну, засекут, а дальше что?.. То-то... Пока буду обедать, посчитай, обменяй. На вешалку, как всегда, швейцару, ну, и себе... Понятно?..

Девица нервно оглянулась и шикнула на Матвея...

Через час двери ресторана опять выпустили на улицу жалкого оборванца. Буфетчица подсчитала: Матвей собрал немногим больше двухсот рублей. Сумма эта его не устраивала — рабочий день продолжался.

Вторую половину дня Матвей решил посвятить пассажирам пригородных поездов. Здесь работа была верная. В вагоне пассажир в безвыходном положении: ему некуда деться от протянутой руки Матвея. Пассажир бледнеет, краснеет, сопит, но в конце концов лезет в карман. Кроме того, в поездах Матвей не просто просил, он «зарабатывал». Он пел! Хотя было совершенно очевидно, что крупное стадо слонов пронеслось в детстве над колыбелью Матвея и чуткие уши его до сих пор хранили память об этом событии. В первых двух вагонах пассажиры, стыдливо отворачиваясь, торопливо подавали. Только один военный сказал:

— Хорошую песню увечите, товарищ инвалид!

Матвей рыгнул и пояснил публике:

— Это я рыдаю... Над несознательными...

В третьем вагоне шла проверка билетов.

— Сезонный! — мрачно бросил Матвей контролеру.

— Предъявляйте!

И Матвей предъявил. Контролер ушел, но третий вагон был для Матвея потерян. Он вышел в тамбур и закурил. И тут увидел своего дружка по профессии — Сеньку Зверева.

— Привет, Семен! Ну, как дела?

— Дела идут прилично, — степенно отвечал Семен. — Опять ты пьяный на работе! Вперед или назад идешь?

— Вперед!

— Удачно, я назад! Инвалид войны?.. Моряк?.. Где тельняшка?

— Я пехота сегодня.

— Хромал, пел?

— Хромал! Пел!

— Плагиатор! А что пел-то?

— «Маму» пел...

— Вот черт! Ну, впрочем, в твоем исполнении, что «мама», что «папа»... Подают хорошо?

— Прилично.

— Милиции нет?

— Не видел. Проверка была.

— Проверенный!.. Ну, привет!

Дружки затоптали окурки и разошлись в разные стороны. В следующем вагоне, оказавшемся детским, Матвей проникновенно произнес:

— Дорогие русские женщины, помогите по мере ваших сил и возможностей несчастному инвалиду, отдавшему за вас все свое здоровье! Еще великий русский поэт Некрасов воспел вашу доброту и отзывчивость души...

Поэзия, оказывается, была не чужда натуре Матвея.

После электрички Матвей обошел центральные улицы и, вполне довольный успехами, направился в знакомый ресторан переодеваться и ужинать. Рабочий день был окончен...

А в это самое время Леша Смазкин вернулся из школы. Он не пошел в свою комнату. Не раздеваясь, он вихрем промчался на кухню, где по вечерам собирались почти все жильцы. Задыхаясь от бега и волнения, Леша выпалил:

— Я все знаю! Вы думаете, что Матвей где-то работает? А он знаете кто? Он просит на улице копеечки и врет, что инвалид! И у меня попросил. Он нищий! — В глазах у Леши был ужас.

Пауза была такой долгой, что мальчик испугался, не сказал ли он чего лишнего.

— Нищий? — воскликнула бабка Маланья. — А штиблеты за триста рублей носит! Значит, его я и видела нынче на базаре! Вырядился!..

— Нищий? — удивился Лешин отец. — Душой и совестью он нищий!

— Ну какой он нищий? — пожала плечами Васюткина. — Велосипед приобрел, золотые часы имеет, прилично одет. На что ему деньги?

— Собирает на «Москвича», — робко высказал свою заветную мечту Леша.

— Вы как хотите, — поднялась бабка Маланья, — а я пошла за участковым! Не согласна я в одной квартире с проходимцем жить!

— К сожалению, уважаемая Маланья Ивановна, — печально сказал Лешин папа, — то, чем занимается Матвей, не подлежит наказанию. За это не судят...

ШИРОКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

О широкоэкранном кино.

Заседание сценаристов. Расширенное заседание сценаристов.

— Безобразие! Куда смотрит охрана труда!

— Ну вот теперь — другое дело!

Изошутка Л. Самойлова (Рига).

— Папа, наверное, мама побила твой рекорд!

Рис. Ю. Черепанова.

— Милый, мне так хочется иметь рубин...
— Пожалуйста...

Рис. В. Кащенко.

XXIV шахматный чемпионат СССР

БЛЕСТЯЩИЙ СТАРТ МИХАИЛА ТАЛЯ

Фото Н. Семенова.

Весь спортивный мир в начале нашей зимы следил за летом в Мельбурне. Всем было «не до шахмат». Но теперь, когда погас олимпийский огонь, когда победители Мельбурна с триумфом вернулись домой, можно спокойно поиграть в шахматы.

Не придумаешь лучшего открытия шахматного сезона, нежели чемпионат СССР. Среди его 22 участников нет, правда, М. Ботвинника и В. Смыслова: у них скоро начинается свой чемпионат.

На эстраде Центрального Дома культуры железнодорожников мы не видим многих гроссмейстеров-ветеранов. На этот раз наша наступающая шахматная молодежь уже в полуфинале перевела в «ветераны» даже 43-летнего А. Котова, чье имя гремело на весь мир после его блестящей победы в Стокгольме в 1952 году.

Некоторые результаты первой шахматной недели произвели сенсацию. Т. Петросян известен тем, что он проигрывает шахматную партию только по большим праздникам (для соперников, конечно), раз в год. И вот он потерпел поражение в первой же партии 1957 года. Удар нанес ему коллега по «Спартаку» С. Фурман. Таким образом, можно считать, что Петросян уже выполнил свою годовую «норму проигрыша».

Часто задают вопрос: как можно стать гроссмейстером? Очень просто... Надо занять в чемпионате СССР первое место, или в двух чемпионатах места не ниже третьего, или съездить на международный турнир и там добиться крупного успеха. Теперь мастерам сделана небольшая «скидка»: за второе место в чемпионате СССР также дается звание гроссмейстера. Видимо, это обстоятельство весьма стимулировало М. Таля, Л. Аронина, С. Фурмана. В первом туре Таль победил Аронсона, затем использовал неточность Тайманова, переиграл Бронштейна и «перекомбинировал» Банника. Все это он делал виртуозно, легко. Каждый раз он только улыбался и скромно говорил: «Это случайно!»

Но наши гроссмейстеры не в восторге от подобных «случайностей». Любопытно, что после четвертого тура Тэль имел 4 очка, всего на пол-очка меньше, чем три наших олимпийца,— Д. Бронштейн, П. Керес и М. Тайманов — вместе!

В свои 20 лет М. Таль — не самый молодой участник турнира. На два месяца моложе его Борис Спасский. Чемпион мира среди юношей 30 января отметил 20-летие со дня рождения. В связи с этой датой Спасскому придется сдать дела чемпиона мира среди юношей, поскольку, по правилам ФИДЭ, в этих чемпионатах могут участвовать шахматисты лишь до 20 лет. Итак, «постаревший» Борис Спасский должен найти себе другую «шахматную должность» среди взрослых. В хорошо информированных кругах считают, что теперь Б. Спасский начнет интересоваться тем, как обстоят дела с чемпионом мира среди взрослых...

В начале турнира из восьми гроссмейстеров пятеро потерпели поражения, в том числе и друг от друга. Д. Бронштейн в партии с А. Толушом искал лучший ход... еще не начав игры. Только этим можно объяснить, что на первый ход он затратил 10 минут! Это не мало и не много — до сих пор не установлено, какой первый ход является сильнейшим. Но над такими проблемами шахматисту лучше всего думать дома, где не мешают шахматные часы. В партии с А. Толушом Д. Бронштейн попал в жестокий цейтнот, а затем оказался в проигрышной позиции. Б. Спасский чистенько переиграл и победил П. Кереса.

Особенно драматически протекала партия М. Тайманов — Т. Петросян. Часто шахматная партия проигрывается из-за недостатка времени на 39-м и 40-м ходу. На этот раз она решалась, как ни странно, после цейтнота на 41-м ходу! М. Тайманов хорошо провел партию. Он мог спокойно подумать, записать ход и дома проанализировать не очень сложную позицию. Но чемпион страны в азарте борьбы поторопился, сделал ход, которым предлагал Т. Петросяну перейти в эндшпиль. Несмотря на лишнюю пешку, эндшпиль оказался проигранным для... Тайманова, который затем сдался без игры. Обидный финал в хорошо сыгранной Таймановым партии!

Итак, старт взят! На старте сильнейшее впечатление произвел М. Таль. Один из наших старейших гроссмейстеров, А. Лилиенталь, говорит, что он согласен оставить себе только окончание своей фамилии.

После блестящего старта М. Таль процентов на 20—25 уже гроссмейстер. Но не будем делать далеко идущие выводы. Впереди еще слишком большая дистанция, до финиша далеко. Д. Бронштейн, П. Керес, М. Тайманов, Т. Петросян, Б. Спасский, А. Толуш, В. Корчной, И. Болеславский не из тех, которые преждевременно бросят свою «шахматную винтовку». Перед ними теперь задача: догнать и перегнать Таля.

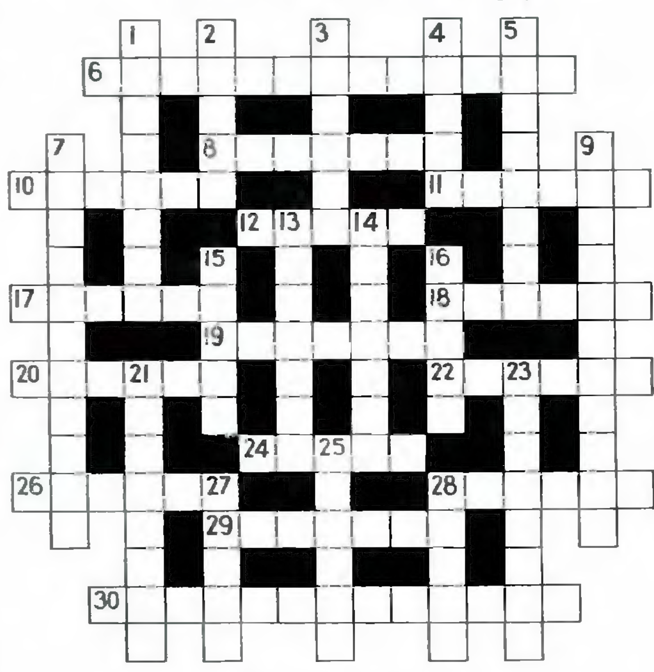
Сало ФЛОР

УЙГУРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Кто с народом, тот непобедим.
Там, где валялась лошадь, всегда остается след.
Дом, где есть дети, шумен, как базар. Дом, где нет детей, молчалив, как кладбище.
Кто не стыдится спрашивать,— узнает многое, кто стыдится спрашивать,— забудет то, что знал.
Обдумывай то, что говоришь, даже когда шутишь.
Во сне можно увидеть что угодно, враг может оклеветать как угодно.
Не тот красив, у кого лицо красивое, а тот красив, у кого красива душа.
Утка не заплачет, если даже будет всемирный потоп.
Хоть и больно говорить о недостатках, но друг скажет о них прямо, а враг только посмеется над ними.
Сказанное слово — вылетевшая пуля.
Кто боится, у того в глазах двоится.
Без ветра деревья не качаются.

Ташкент. Перевел Мурат ХАМРАЕВ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Установление определенных правил. 8. Колпачок с воспламеняющимся от удара взрывчатым веществом. 10. Элемент актерского мастерства. 11. Приспособление для остановки, закрепления движущихся частей механизма. 12. Музыкальный инструмент. 17. Изотоп водорода. 18. Рельефное изображение буквы, знака. 19. Река в Африке. 20. Французский писатель XIX века. 22. Рыба из семейства лососевых. 24. Боевое средство защиты. 26. Надпись на документе, подлежащем оплате. 28. Государство на побережье Средиземного моря. 29. Представительница народа одной из союзных республик. 30. Русский хирург.

По вертикали:

1. Вещи, употребляемые в спектакле. 2. Млекопитающее семейства куньих, акклиматизированное в СССР. 3. Истолкование. 4. Танец. 5. Огнестрельное оружие. 7. Новая наука. 9. Талон, заменяющий билет. 13. Южный вечнозеленый кустарник с цветами. 14. Тип автомобиля. 15. Математик, физик и астроном XVIII века. 16. Сторона строя. 21. Затраты. 23. Опера Р. Вагнера. 25. Город-герой. 27. Птица отряда чистиков. 28. Одна из основных величин механики.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

1. Пикша. 3. Отлив. 7. Сталеплавильщик. 9. Дрок. 10. Конденсат. 13. Гнев. 17. Гарус. 19. Кумир. 20. Ботва. 21. Округ. 22. Джейран. 23. Побег. 24. «Жених». 26. Флексия. 29. Сучан. 30. Смола. 31. Огарь. 32. Огайо. 34. «Лето». 35. Расстегай. 38. Зной. 41. Обеззараживание. 42. Облик. 43. Ванты.

По вертикали:

1. Плащ. 2. Шопен. 4. Триас. 5. Вещь. 6. Задел. 7. Словотворчество. 8. Конструирование. 9. Дамба. 11. Отряд. 12. Амман. 14. Вьюга. 15. Агамемнон. 16. Профессор. 18. Степень. 19. Куросио. 25. Эсхил. 26. Фраза. 27. Явата. 28. Забой. 33. Отказ. 36. Саами. 37. Гмина. 39. Гезо. 40. Анды.

Крылатое солнце

Во время полных солнечных затмений даже невооруженному глазу открывается то, что в других случаях недоступно: становится видной серебристо-жемчужная корона Солнца.

Ее форма зависит от фазы солнечной деятельности. Иногда корона вытягивается вдоль солнечного экватора наподобие крыльев или опахал. Профессор Б. А. Воронцов-Вельяминов сравнивает ее с крыльями гигантской бабочки, сидящей на Солнце на фиолетово-синем бархатном фоне неба.

Древние египтяне, обожествлявшие Солнце, изображали его по-разному и, в частности, в виде крылатого диска. Это был бог, поражающий своих врагов — демонов мрака и бури. Астроном Н. М. Субботина не так давно высказала остроумное предположение, что древнеегипетское крылатое Солнце есть не что иное, как изображение Солнца с его короной. Действительно, сравнивая то и другое, находим между ними несомненное сходство.

Еще несколько тысячелетий назад солнечная корона, природа которой до сих пор не раскрыта, по-видимому, уже привлекала внимание египетских жрецов, несмотря на то, что она бывает видна очень короткое время, исчисляемое минутами, а полные солнечные затмения для одной и той же местности весьма редки.

Египетские жрецы были тонкими наблюдателями и по-своему, но похоже изобразили корону лучезарного светила.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Новые ботинки

Китайская шутка

Когда-то давно жили два брата. Они решили купить себе пару новых ботинок на двоих и договорились, что их будет надевать тот, у кого в этот день дела. Но так как у старшего брата всегда находились дела, младшему ни разу не довелось надеть ботинки. Недовольный, он, чтобы чем-нибудь утешить себя, стал ходить каждую ночь по комнате, надевая общие ботинки. Ботинки скоро износились. Тогда старший брат сказал младшему:

— Давай купим новые ботинки?

Младший ответил:

— Нет, я лучше посплю!

Перевел ЛУ ГУН

На вкладках этого номера репродукции картин: В. Тропинина портрет А. С. Пушкина, Н. Ге «А. С. Пушкин в селе Михайловском», В. Климашина «Мангенда», портрет писателя Ли Ги Ена, «Утро в деревне», «Моросит» — и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00221. Подписано к печати 30.I 1957 г. Формат бум. 70×108[1/8]. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 119. Заказ № 84.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

СКОЛЬЗКО!..

Фотоэтюд О. Неелова.

Цена номера 3 руб.